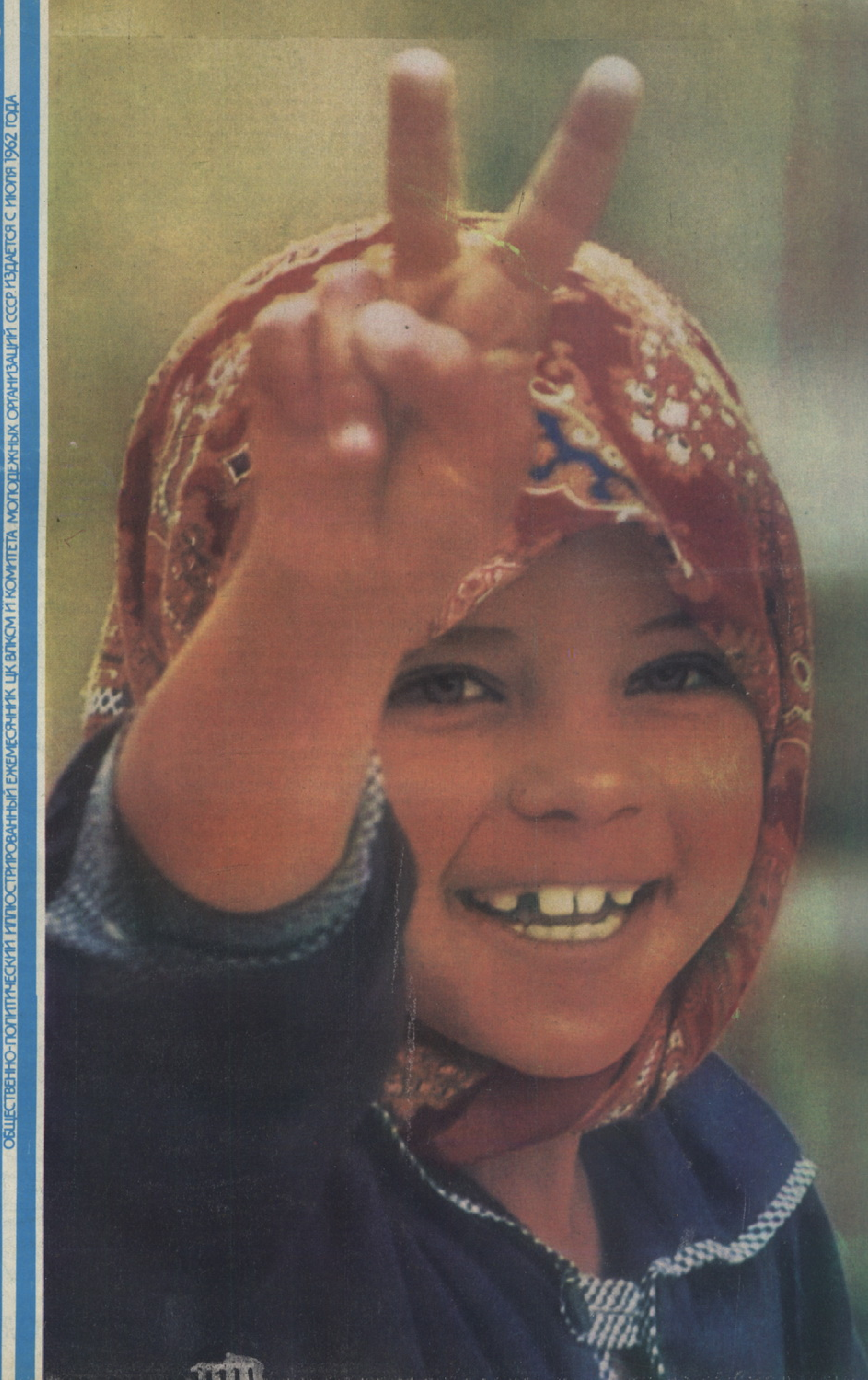
ФЕВРАЛЬ 2 '89

Ровесник

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131-5994

Ровесник

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 09.12.88. Подписано в печ. 12.01.89. А04620. Формат 84×108 . Печать офсетная. Бумага офсетная глазированная с покрытием. Усл.-печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 460 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 305.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

СПРАШИВАЙ — ОТВЕЧАЕМ

Назрела существенная необходимость выяснить, что означает знакомое всем слово «рокер». В вашей трактовке рокер — это человек, увлекающийся рок-музыкой. В трактовке других отечественных средств информации рокер — это особой разновидности мотоциклист. Эдакий «дьявол», весь в заклепках и коже, разъезжающий на дико ревущем и ярко раскрашенном мото. Вот и происходит путаница при чтении различных изданий, когда очень трудно разобраться, где и какой рокер имеется в виду.

Поэтому предлагаем вам развязать этот «гордиев узел» и ответить обязательно через журнал.

Вячеслав Старшинов и другие любители рок-музыки, г. Киев

«Путаницы» со словом «рокер» не больше, чем со множеством других слов, имеющих несколько значений. История же возникновения разных значений слова «рокер» такая: в 30-е годы американские студенты использовали слово «рокер» — и это, можно считать, было первым его значением — в качестве синонима слова «дурак». Но сегодня в английском языке общеупотребительными стали два других значения, причем оба тоже жаргонные. Первое, появившееся в США сразу после окончания второй мировой войны, переводится как «ультрасовременный молодой человек» или «стиляга в кожаном»: в те годы американская фирма «Харлей — Дэвидсон» наводнила рынок мотоциклами, и любой заботящийся о своем престиже владелец двухколесного чуда появлялся на людях не иначе как облаченный в кожаные штаны и куртку — одежда весьма удобна для скоростных прогулок по автострадам. Позже так стали называть не только поклонников мотоцикла, но и всех тех, кто просто перенял моду на кожаную одежду: американская пресса окрестила рокером популярного в 50-е года киноактера Джеймса Дина, любившего одеваться в кожаные джинсы.

Другое значение слова «рокер» возникло несколько позже в Англии: у термина «рок-н-ролл» появилось производное «рок», означающее рок-музыку вообще, а потом из него по правилам английской грамматики образовалось слово «рокер», то есть рок-музыкант. У нас ошибочно так называют иногда и просто поклонников рок-музыки, хотя у англичан для них есть другой термин — «фэны».

Пишут вам от имени комсомольско-молодежного коллектива работники приборостроительного завода г. Ульяновска с просьбой рассказать на страницах вашего журнала о Фонде имени Улофа Пальме. Мы знаем, что организовал этот фонд его сын...

Фонд памяти убитого неизвестным преступником в 1986 году премьер-министра Швеции Улофа Пальме «За международное взаимопонимание и всеобщую безопасность» основан в 1986 году по инициативе его семьи Социал-демократической рабочей партией Швеции. Основная цель фонда — способствовать международному культурному обмену, изучению проблем мира и разоружения, преодолению расизма и расовых предубеждений.

Ежегодно фонд присуждает стипендии представителям разных стран для осуществления тех или иных мирных проектов.

Стипендии фонда, например, выделялись на проведение международной конференции молодежи Скандинавских стран, Болгарии, Румынии, Югославии и Греции по проблемам безъядерных зон; эколог из Дании получил индивидуальную стипендию для участия в молодежной конференции в Индии по проблемам окружающей среды; шведский ученый — для проведения исследований возможностей мирного урегулирования вооруженного конфликта в Мозамбике. Фонд рассматривает все поступившие предложения: от проектов научных учреждений до индивидуальных предложений, поддерживает инициативы, выдвинутые школами и молодежными организациями. Главное условие — практическая помощь осуществлению идей Улофа Пальме о мире, демократии и взаимопонимании между народами. Адрес фонда: The Olof Palme Memorial Fund. S — 105 60 Stockholm, Sweden.

Пожалуйста, расскажите, что обозначает этот знак. У меня есть такой значок, и каждый по-разному истолковывает его значение. Я даже не знаю, можно ли его носить просто так. Если можно, помогите мне.

Наташа Козина, г. Минск

Символ принадлежит пацифистскому движению, выступающему за ненасилие вообще, против любых войн. Появился он в 60-е годы в США во время движения протеста против войны во Вьетнаме и с тех пор приобрел известность среди пацифистов во всем мире.

Я услышал, что у СССР нет дипломатических отношений с Албанией, так же как с Израилем и ЮАР. Ну, с Израилем и ЮАР — это ясно почему, а ведь Албания — социалистическая страна...

Виктор Турбин, г. Воронеж

Официального заявления о разрыве дипломатических отношений не было ни со стороны СССР, ни со стороны Албании. Однако с начала 60-х годов межгосударственные отношения Албании с Советским Союзом оказались нарушенными в результате возникших идеологических разногласий, в которых не последнюю роль сыграли элементы субъективизма и волюнтаризма. Дошло до нарушения дипломатических и иных

связей между Советским Союзом и Албанией.

С тех пор прошло более четверти века, субъективизм и волюнтаризм осуждены в нашей стране, Советский Союз выступает за уважение самостоятельности партий, независимость и равноправие государств, он против практики перенесения идеологических разногласий в сферу межгосударственных отношений. И то, что в течение многих лет отсутствуют контакты между представителями СССР и Албании,— противоестественно для отношений между государствами, тем более социалистическими. Советский Союз выступает за устранение препятствий, мешающих нормализации албано-советских отношений, слово — за Албанией.

Нам предстоит по крайней мере 4 ближайших года слышать имя Джорджа Буша. Какой он как человек?

В. Грубин, Подольск

20 января 1989 года республиканец Джордж Буш приступил к выполнению своих президентских обязанностей.

Что за человек 41-й президент Соединенных Штатов?

Джордж Герберт Уокер Буш родился 12 июня 1924 года в штате Массачусетс (в родном штате, кстати, голосование он проиграл). Типичный W. A. S. P. (не путать с сокращением, употребленным в названии американской группы), то есть «белый англосаксонский протестант», потомок, по крайней мере, как утверждают, первых британских переселенцев. Участник второй мировой войны. В 19 лет после ускоренных курсов подготовки пилотов стал самым молодым летчиком в истории ВМС США. После войны за два с половиной года с отличием окончил экономический факультет престижного Йельского университета. Затем — работа в нефтяной компании, как гласит официальная биография Буша, для самоутверждения. И, наконец, с начала 60-х — политика. Никсон назначил Буша постоянным представителем США при ООН. Форд — директором ЦРУ. Рейган — вице-президентом.

Те, кто лично знает Джорджа Буша, выделяют из его личных качеств умение дружить. Политические убеждения, теории, партийная принадлежность значат для него несравненно меньше, чем дружба. Он ставит ее в один ряд с верностью стране, долгом перед ней и верностью семье. С этим утверждением согласны даже политические противники Буша. На снимках: Джордж Буш с женой и с внуками (их у него 10).

Я хочу бороться за мир, независимость народов, против фашизма и расизма. Знаю, что эту деятельность ведет ВФДМ. И я хотела бы вступить в эту организацию.

Елена Иванова, г. Алма-Ата

Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ) — союз из 250 молодежных организаций из 115 стран мира, куда входит и наш Ленинский комсомол. Если вы член ВЛКСМ, то, таким образом, вы и член ВФДМ тоже. На Ассамблеях ВФДМ, которые собираются раз в четыре года (последняя состоялась в ноябре 1986 г.), вырабатывается общая программа действий. О них всегда рассказывает наша молодежная печать.

...В борьбе против распространения СПИДа, мне кажется, огромную роль может играть... реклама. В этой области во многих странах накоплен богатый опыт, расскажите о нем.

А. Соколова, Москва

Несколько лет назад во Франции на придорожных рекламных щитах, особый скоростной жанр которых требует коротких, как лозунг, надписей, но таких, чтобы, мчась на машине дальше, ты вдруг догадывался бы о скрытой во фразе игре слов, о ее втором и даже третьем смысле,— на этих щитах появились плакаты, ничего как будто не рекламирующие: молодой человек переламывал на них красную «кривую» СПИДа. И надпись: «СПИД НЕ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ!»

Тогда во Франции и в других странах еще не было того количества больных СПИДом, как сейчас, не было государственных программ борьбы против СПИДа, но было главное — уверенность, а что еще оставалось? — что человечество — оно-то! — найдет для себя спасительную вакцину. Поэтому плакаты, не очень уместные на рекламных щитах, читались ироничными, обыгрывающими «но пасаран!».

Теперь есть государственные планы борьбы с болезнью, но спасительной вакцины все еще нет, спасительным, как считают ученые, еще долгие годы будет только презерватив. Но плакат «СПИД НЕ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ!» по-прежнему мелькает на обочинах дорог. Наверное, он все-таки рекламный, если сработан так, что читается сегодня без всякой иронии, с ударением на «МЕНЯ». Было страшно и смешно, теперь — жутко.

У нас у борьбы против СПИДа тоже появился свой лозунг: «Не дайте себе умереть от невежества!..» Хочется поставить в нем смысловое ударение, выделить главное, но трудно. Во всем правильный лозунг. В той тонкой, интимной, индивидуальной области, какой является любовь, абсолютный рекорд мира по абортам научил нас относиться к себе масштабно, соразмерно со всей огромной страной. Но вот только сколько после того, как этот лозунг появится на рекламных щитах по обочинам наших дорог, нам нужно будет ехать, чтобы понять, что его смысл — не призыв беречься от невежества в государственном масштабе, а быть ответственным только за себя: «СПИД НЕ ПРОЙДЕТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ!»?

На первой странице обложки: эта палестинская девочка, живущая на оккупированной Израилем территории, верит — она и ее сверстники будут жить в свободном государстве.

смотрите

КНДР XIII ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ

УТРО, ДОЛГОЕ УТРО...

Нина ЧУГУНОВА,
Евгений СТЕЦКО (фото),
наши спецкоры

Дорогой читатель «Ровесника» — новый и тот, кто остался верен нам. Напомним — в этом году состоится одно из значительных событий в международной жизни планеты. XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов ныне примет столица КНДР Пхеньян. Мы, разумеется, расскажем о фестивале. Однако этот рассказ уже начался: в прошлом году две публикации знакомили вас с самым интересным, на наш взгляд: со строительством фестивальных объектов и с лицами молодых хозяев будущего праздника.

Каким будет XIII Всемирный? В какое время он стартует, с какими проблемами столкнется?

Об этом мы поговорим особо в одном из ближайших номеров.

А сегодня — **СМОТРИТЕ.**

Мы продолжаем наш фоторассказ о демократической Корее.

...Утро благоуханно по природе своей. Свежесть, надежда и чистота помыслов — вот утро.

Я еще так думаю: утро — вот что дает нам природа и судьба для совместного с ними труда. А день — то, что

получается в результате этого сотрудничества.

Витиеватый и «благоуханный» язык комплимента называет Корею Страной утренней свежести. Но, отмахиваясь от нашептываний его, готовясь увидеть то, что увидишь своими глазами так, чтоб ничего не упустить, все разглядеть, на каждом шагу отказываясь от роли льстеца... я вновь вспоминаю прежде всего розовый подъем солнца и, изменяя себе, твержу: ты прекрасно, утро в Стране утренней свежести, не знаю, что с тобой сравнить. Был октябрь, воздух по утрам кололся иголками. Утром мы шли по террасе, ветки мешали, роса была на них.

В один из дней мы, как всегда, сели по машинам и поехали. Но в этот день программа была особенной: мы должны были посетить заветный домик, где родился Вождь. Мы ехали по немыслимо чистому зеленому пространству, по отличной дороге. На поворотах то и дело нам встречались поразительные по мастерству художников и нежнейшие по цветовому решению гигантские панно, по всей видимости мозаичные. На панно, установленных на специальных постаментах, изображались сцены из истории республики. Главным действующим лицом здесь был, конечно, товарищ Ким Ир Сен. Еще совсем молодой, он обращался к людям, слушающим его с необыкновенным вниманием и радостью... Мысль, что утро республики прочно связывается с именем руководителя, может возникнуть и прежде. Но, видя перед глазами наглядные иллюстрации к истории, эту мысль обдумываешь вновь.

...Домик прост и беден. Нам показали орудия труда. Внутренность хозяйственных построек и жилого помещения тщательно обмазана свежей глиной, так что и следа ладони на глине нет, все выглядит, словно это керамика. В домике, где жили, разостланы циновки. Мы убеждаемся, в какой бедности и чистоте начиналась жизнь великого человека. Поразительна детская фотография Ким Ир Сена! Мальчик смотрит прямо. Его голова кругла и стрижена. Сколько ему? Восемь? Десять?

Но взгляд — Ким Ир Сена. И детский рот немного косит. И это повторяется на всех последующих фотографиях. Меняется овал, прическа — я вижу уже пожилого человека, бодро идущего мимо восторженной толпы иностранцев (эту хронику мы смотрели по телевизору), когда некая американка, путаясь в юбке, бросается к нему не то руку поцеловать, не то поклониться в ноги, а он в кепке, неизменном френче...

Но взгляд мальчика, взгляд мальчика из семьи скромных тружеников... Это осталось.

Первые сведения о корейских партизанах, ведущих борьбу за освобождение страны от японских оккупантов, просочились в наши газеты примерно в тридцать четвертом году. Это, конечно, не начало освободительной борьбы (она началась раньше, давно), но зато это время, когда двадцатилетний репатриант из Китая, коммунист Ким Ир Сен находится во главе организованного им корейского отряда партизан. Отряд вырастает в Народно-революционную армию... В пятьдесят третьем командир отряда становится маршалом, и это только начало его возвышения, это только утро, хотя уже не раннее. Корейская Народно-Демократическая Республика, рождавшаяся в те далекие дни борьбы и лишений, сегодня немыслима без красочных панно на исторические темы, без величавых бронзовых фигур Вождя. Народ продолжает благодарить того, кто своими идеями, вдохновлявшими миллионы, и руками самих вдохновленных миллионов сделал страну такой, какая она сегодня есть. Ким Ир Сен основал университет в Пхеньяне. Ким Ир Сен провидчески угадал место для строительства уникальной плотины. Красные торжественные таблички повсюду фиксируют место и время пребывания Великого Вождя где бы то ни было с целью лично вникнуть в происходящее грандиозное строительство и дать целый ряд неопровержимо ценных указаний «на месте». Одна из фундаментальных заслуг руководителя страны — это несомненно чучхейская философия, повлекшая за собой разработку чучхейской идеологии. Не ставя перед собой задачу исчерпывающе объяснить понятие «чучхе», скажу лишь, что смысл философского, политического и идеологического движения страны под знаменем идей чучхе — независимое, опирающееся лишь на ресурсы собственные, развитие. «Сам!» — вот зерно и вот пламя чучхе...

Я хорошо помню, как могуче светит всем, как бы озаряя светом весь мир, пламя монумента идеям чучхе, установленного в самом центре Пхеньяна. Странное дело: монумент не запомнился поутру. Его иначе рассматриваешь днем, когда всесильно солнце: мы даже поднимались наверх, совсем близко увидели сложное сооружение факела. Факел сделан из сверхтвердого стекла, а может, не стекла. Днем он напоминает сжатый кулак, и весь монумент, окруженный прекрасными групповыми статуями, символизирующими непобедимость идей чучхе в науке, сельском хозяйстве и т. д.,— весь монументальный комплекс погружен в молчание... Девушка проходит с метлой... но ночью! И я начинаю думать, что ночь подходящее время для монументов — для электрического огня, неотличимого от пламени.

Это долгое-долгое утро продолжалось. Мы поехали опять по парковым зеленым автодорогам и очутились у прекрасной деревни, находящейся аккурат неподалеку от того места, где будущий великий вождь корейского народа провел детские годы.

Удивительная деревня! Вокруг ни души. Чистота, как в Пхеньянском родильном доме (гордости народа) или как в уникальном сооружении, напоминающем летящего журавля,— во дворце, хранящем подарки Ким Ир Сену со всего света (тут мы, среди пышных подарков, как то: леопардовые шкуры, мебельные гарнитуры, бронированные автомобили и поезд, заключенный под стеклянную крышу,— увидели и скромный, зато от души, подарок «советского гражданина с супругой»: пару электрических кофейников!) — такая чистота и порядок были и в деревне. Дома-коттеджи в стиле национальной архитектуры. Нам позволили войти в дом (хозяин, видимо, был на работе). Там стояли: круглый сверкающий аквариум с золотыми рыбками, швейная машинка под накидкой, шкафы со стеклянными дверцами, за которыми я с восхищением увидала аккуратную гору ярчайших махровых полотенец. В кухне парадным строем стояли расписные кувшины...

Наконец мы дождались хозяина. Улыбаясь, он разулся и вошел в собственный дом... Он сказал, что счастлив жить с семьей в таком хорошем доме. Он стеснялся своей рабочей одежды, да и мы с облегчением думали о том, что наши туфли остались на пороге этого сверкающего, как аквариум, дома.

А теперь о лучшем утре.

Ночью мы приехали в город Кэсон. (Ехали ночью, поезд останавливался в чистом поле, и странно мне было разглядывать землю своего детства: те же деревья, как за Байкалом, тот же воздух и та же ликующая тревога, рвущая занавеску, как будто надежды все сбудутся.)

Утром мы нагрузились аппаратурой и вышли в тихий город, знаменитый еще и тем, что здесь корейские ученые работают над расшифровкой таинственных и тайных буддийских «Канонов» — многотомных рукописей (наутро мы увиделись с ученым).

Но самым ранним, самым... младенческим, когда еще только одни рыбаки, стоя по колено в воде, начинают свой промысел,— тем утром мы увидели детей, собирающихся в школу.

Они выходят каждый из своего дома и бегут к тому месту, где школьники их класса назначают сбор. В ожидании товарищей они веселятся и прыгают. Они смеются так, что тетенька выглядывает из окна, неукоризненно качая головой (я это видела сама).

Потом становится ясно, что все в сборе.

Они строятся и идут в школу строем, и поют песню.

Так каждый день, сказал переводчик, и никто не опоздал ни разу.

Конечно! И я бы не опоздала, будь я корейским мальчиком.

...А что же ты скажешь об Утре — о том, какое оно вырывается из рамок нашей официальной, так безукоризненно подготовленной, программы? — спросят меня.

И я скажу: тут слово Евгению Стецко. Он, фотограф, смотрел лучше меня! Я только к его «слову» добавлю: воздух кололся иголками в том октябре.

С ЧЕГО НАЧАТЬ? или МОЛОДЕЖЬ, «РАЗВЛЕКАЮЩАЯСЯ» ПОД ГРУЗОМ ПРОБЛЕМ

В СССР готовится Закон о молодежи. Такие законы уже существуют во многих социалистических странах, и их опыт будет, безусловно, учтен. Он тем более важен, что работает этот Закон не везде эффективно. Так, например, остро стоит вопрос о модернизации Закона о молодежи, принятого в 1971 году в Венгрии.

По просьбе Государственного комитета по делам молодежи и спорта ВНР в работу над новыми положениями Закона включился венгерский Институт общественных наук. И, как показывают проведенные им исследования, явно не для того, чтобы успокоить общественное мнение или предсказать молодежи легкую жизнь. Обществоведы не стесняются вопросительных знаков. И больше других их беспокоят вопросы: а является ли, собственно, молодежной так называемая «молодежная проблема»! И вообще, с нее ли нужно начинать!

Йожеф КАТОНА,
венгерский журналист

Из речи Чабы Хамори[1], первого секретаря ЦК ВКСМ, на партийной конференции в мае 1988 года.

...Я выделил бы семь важнейших для молодежи проблем.

Первое — с 1980 года население Венгрии сократилось почти на 90 тысяч человек. За то же время численность молодежи (если установить возрастной ценз 30 лет) уменьшилась на 360 тысяч человек! Прогнозы не обещают, что до конца века демографическая ситуация улучшится.

Второе — образование. Волны, поднятые было школьной реформой, быстро улеглись. Традиционно болезненная нехватка материальных средств в сфере образования привела в конце концов к тому, что каждый двадцатый преподаватель сейчас не имеет специального образования. Ежегодно всего 24 тысячи молодых людей получают высшее образование, а около 10 тысяч не кончают и обязательных восьми классов.

Третье — трудоустройство. В 1987 году, впервые за многие десятилетия, количество рабочих мест, предлагаемых хозяйственными органами выпускникам учебных заведений, в целом по стране стало меньше числа самих выпускников. Такова ситуация на сегодня, а ведь процесс структурных изменений в экономике, по сути, только начался.

Четвертое — где жить молодым? Известно, что 20 процентов молодых семей и через пять лет после свадьбы не имеют собственного жилья. Цены на жилье растут такими темпами, что за год стоимость небольшой квартиры в новом микрорайоне увеличивается как раз на среднюю годовую зарплату молодого работника.

Здесь мы выходим на проблему оплаты труда молодых. Существующая система заработной платы учитывает не столько производительность работника, сколько его стаж и возраст. Иначе как можно объяснить тот факт, что реальная зарплата молодых работников с конца 70-х годов не увеличивалась (с этого времени из-за экономических трудностей в Венгрии началось постепенное повышение цен.— Ред.), тогда как пятидесяти-шестидесятилетние получают теперь вдвое больше прежнего.

Еще одна острая проблема — все труднее становится растить детей. После недавнего фантастического взлета цен на детскую одежду и обувь эта статья расходов отнимает до четверти бюджета молодых семей. Наводит на невеселые рассуждения и такая цифра: с 1980 года доля государственных дотаций на воспитание детей сократилась в общественных фондах потребления на 20 процентов.

И наконец, седьмая проблема: у молодых все меньше шансов стать руководителями, роль молодежи в общественной жизни падает. Среди депутатов или работников аппарата редко встретишь человека моложе 30. Это и не мудрено — в органах управления с 80-х годов доля молодежи упала на 60 процентов. «Постарела» интеллигенция — по сравнению с теми же семидесятыми молодых в этой среде сейчас на 20 процентов меньше. Теперь сопоставим эти цифры с другими: сегодня в Венгрии каждый третий работающий моложе тридцати лет, а в новейших, наиболее прогрессивных отраслях — таких двое из трех.

Факты эти вызывают тревогу. Но, не зная их, трудно ответить на вопрос: «Чья эта молодежь?»...

Если какой-нибудь марсианин попытался бы однажды угадать значение слова «молодежь», читая публикации о молодежной политике, он запросто мог бы решить, что слово это — синоним понятия «бедный родственник». (И в самом деле, вечно у молодежи что-то не ладится, вечно у нее какие-то труд-

[1] *20 ноября 1988 года на конференции ВКСМ первым секретарем ЦК ВКСМ избран Имре Надь.— Прим. ред.*

ности, вечно она просит помощи.) И уж вряд ли заподозрил бы инопланетянин, что молодежь — это «надежда и опора» завтрашнего дня, смена, которой предстоит «сказку сделать былью».

Марсианин имеет все основания превратно понять ситуацию. Ведь молодежная проблематика сегодня вращается в основном вокруг того, чтобы получить у государства очередные льготы, ссылаясь на незавидное положение молодежи в обществе. Тактика вроде старая, испытанная: чем больше вспомнишь обид, чем жалостнее нарисуешь картину, тем больше шансов, что проблемы будут решены. Но призывы к справедливости в ситуации, когда большая часть населения Венгрии живет хуже, чем вчера, и когда легко прийти, например, к такой альтернативе: или модернизация и развитие общества, или решение молодежных проблем, не слишком действенны.

Тем временем быстро обесцениваются и завоеванные молодыми льготы и привилегии. Наглядный пример тому — нерешенный жилищный вопрос, в котором политика льгот и субсидирования оказалась неэффективна потому, что, как сказано в одном из исследований Института общественных наук, «если не хватает пожарных машин, едут тушить только большие пожары».

Пока отдельные ведомства еще были заинтересованы в том, чтобы добиться каждое для себя дополнительных средств, они сигнализировали о разного рода ЧП в своей сфере и периодически били тревогу по поводу роста преступности среди молодежи, дефектов образовательной системы, по поводу возникновения неформальных молодежных объединений, мягко говоря, «нежелательного» толка и т. д. Экономические и общественные корни молодежных проблем при этом как-то терялись из виду. А значит, и уменьшалась надежда на эффективное «лечение».

Обществоведы, приглашенные для подготовки нового молодежного закона, от ведомственного подхода были избавлены и рассматривали проблемы в их взаимосвязи. И пришли к выводу, что жилищный вопрос, проблемы создания семьи и социальной адаптации возникли давно, происходят от старых, но только в последнее время получивших критическую оценку общественных недугов. И ни в коем случае не являются вопросом справедливых отношений между поколениями. Да и затрагивает «молодежная проблема» не только молодых.

Но по порядку. Воспитание, подготовка нового поколения к самостоятельной жизни происходят преимущественно в семье. Когда молодые вступают во взрослую жизнь, начинают работать, живут они, как правило, опять-таки в семье, с родителями. Дети все дольше зависят от папы с мамой, для которых на неопределенный срок отодвигается долгожданная возможность вздохнуть свободнее: они вынуждены добывать средства, необходимые для того, чтобы помочь молодым встать на ноги. Этот дефицит средств и искусственно затянувшаяся жизнь под одной крышей осложняют отношения в семье.

По оценкам 1984 года, без родительской помощи 85 процентов людей в возрасте до 35 лет не могли бы содержать свои семьи. Это ко всему прочему означает и прямое наследование новым поколением различий в материальном положении, наследование социального неравенства.

Семья лишь тогда справляется со своей задачей, когда она в состоянии защитить своих членов от напора социальных и экономических проблем. Нагрузка необыкновенная, поэтому сама семья нуждается в поддержке со стороны соответствующих общественных институтов.

В условиях, когда государство непосредственно контролирует процесс воспроизводства рабочей силы, поле деятельности семьи сужено, прямая материальная зависимость от общественных фондов потребления делает ее чувствительной к малейшим неполадкам в экономике. Снижение уровня жизни, к примеру, мешает семье полноценно выполнять функции «парка» рабочей силы». А ведь чрезмерно долгое иждивенчество молодых тяжело ударяет по семейному бюджету.

Даже если бы государственное управление было застраховано от случайных ошибок, все равно оставалась бы одна загвоздка, а именно — слишком узкое толкование «воспроизводства». Долгое время считалось, что планомерно обновлять можно лишь то, что поддается учету в традиционных экономических показателях. Воспроизводство культуры — в самом широком смысле слова — отступало на задний план, уступая место красивым словам и пожеланиям, как, например, в Законе о молодежи 1971 года. За счет «второсортной» непроизводительной сферы, за счет культуры латались прорехи в экономике. А в результате может получиться, что и эта проблема «неожиданно» станет общественной, вспыхнет еще один «большой пожар» — из тех, что требуют экстренного вмешательства.

Каждое поколение пребывает в роли «бедного родственника», пока следующее не начнет наступать на пятки. Многочисленные минусы этого положения обычно компенсирует семья. У нового же поколения возможность помочь своим детям стремительно тает. И если государству не удастся укрепить финансовую самостоятельность тех, кто сегодня создает семью, следующее поколение может оказаться без поддержки. О какой качественной подготовке рабочей силы можно б дет говорить в таком случае?

Как пишет один из исследователей, «сегодня уже совершенно ясно, что «воспитание подрастающего поколения в духе социализма» — лишь одна из задач молодежной политики. Главной же ее целью является обеспечение непрерывности общественного развития в поколениях. И потому помощь молодым — это не пожертвование, а вложение капитала».

Что нужно для того, чтобы каждое молодое поколение, вступающее в активную жизнь, все больше отвечало интересам общества? Как минимум воспрепятствовать тому, чтобы в арифметической прогрессии воспроизводились различные проявления социального неравенства, никак не связанного с отдачей молодежи обществу. Молодежь — тот слой, который по возрасту способен привести в движение общественный и экономический механизмы. Чтобы это произошло, недостаточно решить одни социальные проблемы и решать их сверху. Не хлебом единым жива молодежь — нужна широкая возможность приобщения к культуре, в том числе политической, необходимо активное, неформальное участие молодых в общественной жизни, а значит, есть потребность в самостоятельных молодежных движениях и соответствующих организациях.

Что касается последних, то ближайшее будущее предвещает им бурную деятельность. Поэтому уже сейчас политическое мышление должно готовиться к возможному обострению общественной ситуации в 90-е годы, если множество молодых людей окажется в худших условиях, чем некогда их родители.

А так оно и случится, если будут «запущены» проблемы трудоустройства, семьи, которая все реже может позволить себе какие-то сбережения, образования, которое кое-кто хотел бы видеть чуть ли не хозрасчетным, проблему массового спорта, принесенного в жертву спорту «большому», и т. д.

«Не нужно обладать богатой фантазией,— читаю я в другом исследовании,— чтобы угадывать все новые политические проблемы, с которыми мы можем столкнуться. Фантазия требуется скорее для того, чтобы находить решения, позволяющие избежать возможной радикализации». «Необходимо признать,— пишет тот же автор,— что молодежь не только заимствует у предыдущих поколений нравственные, эстетические и материальные ценности, но и формирует свои. Необходимо поэтому признать право молодых критически усваивать мир ценностей отцовского поколения и пополнять его плодами собственной субкультуры. В общественном процессе молодежи нужно отвести такую роль, при которой она обрела бы необходимый опыт и чувство ответственности».

Но не будем забывать об исходной задаче обществоведов! Речь ведь шла о том, какую модернизацию Закона о молодежи они считают возможной и разумной. Один из исследователей пишет: «Закон способен закрепить сложившиеся в обществе отношения. Но правовое регулирование не всемогуще, одними политическими средствами добиться результата нельзя. И было бы

заблуждением считать, что достаточно установить в законодательном порядке желанные отношения, и они, рано или поздно, станут явью».

Более того, новый список пожеланий — наподобие Закона о молодежи 1971 года — был бы даже вреден. Откровенно невыполнимые желания дискредитировали бы саму идею закона. Его не принимали бы всерьез целиком, вместе с заслуживающими внимания положениями.

Нужно сказать молодым: «Если мы не можем сейчас помочь вам, то знайте, что мы думаем о вас и, по крайней мере, не мешаем вам — организуйтесь как можете, помогайте себе сами!» Понятно, впрочем, что рядом с горой проблем возможность эта кажется мелочью...

Очевидно, что обновление Закона о молодежи само по себе не в силах решительно изменить ситуацию. И все же у этой идеи есть шанс на выигрыш. И он не столько даже в параграфах будущего закона, сколько в самой дискуссии вокруг него — сначала общенародной, а затем парламентской. Не исключено, что может разгореться крупное сражение, результатом которого станет выработка основ новой молодежной политики.

Нужно убедить общество и руководство страны, что молодежь — это не просто слой, нуждающийся в поддержке из-за своего бедственного положения, но запущенная сфера общественных капиталовложений. Признание этого означало бы, что мы вместе с борьбой с «пожарами» должны заниматься и уничтожением их причин. Лишь тогда пожарные команды будут приезжать всегда вовремя.

Дискуссия помогла бы обществу избавиться от шаблонного мышления. После нее, наверное, всем станет понятно, что в ситуации, когда компания бритоголовых юнцов на станции метро нападает на рабочих-кубинцев, репортеру надлежит задаться не вопросом о том, откуда идет к нам расизм, а о том, какие общественные условия делают наших подростков восприимчивыми к чуждой идеологии.

Исход политической дискуссии — вот то, ради чего стоит торопиться с началом общественной дискуссии о молодежном законе. Если с первых шагов нового курса на модернизацию и развитие молодежный вопрос не получит статуса равноправного общественного вопроса, то позже изменить позицию вряд ли удастся вообще. В этом случае, как пишет один из ученых, «хотя на словах все будут признавать важность проблем, касающихся молодежи, эти давно ожидающие решения общественные и экономические проблемы по старинке будут находиться вдали от фокуса большой политики, вместе с «женским вопросом» и проблемами пенсионеров».

Перевел с венгерского
Владимир ШУТОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

С. НОРТКОТ ПАРКИНСОН

Любознательный читатель, видимо, уже обратил внимание на такую последовательность опубликованных в «Ровеснике» материалов: № 11/88 — С. Норткот Паркинсон, Герман Ле Конт, «О бюрократии»; № 1/89 — С. Норткот Паркинсон, «Недовольная молодежь» и вот сейчас — «Повелительное наклонение» того же автора. Это не отрывки из одной книги английского историка и публициста Сирила Норткота Паркинсона, уже известного советским читателям по изданному «Прогрессом» в 1976 году сборнику «Закон Паркинсона и другие памфлеты». Это отрывки из разных его книг, объединенных одной идеей: выяснением природы бюрократизма и поисками способов борьбы с ним. Возможно, способы эти покажутся спорными — в частности, не все могут согласиться с перечнем качеств, которыми, как считает Паркинсон, должен обладать настоящий руководитель. Поэтому мы и публикуем этот материал под рубрикой «Ваше мнение!».

Многие считают, что умение руководить — это качество, которое человек получает при рождении или не получает вовсе. Посылка эта ложная, потому что руководителем можно стать, искусству руководить можно научиться. Это открытие сделано во время войны, и достигнутые результаты удивляют даже тех, кто обучает этой науке. Когда перед солдатом встает выбор — идти направо или налево,— он быстро понимает, что любое решение будет лучше бесконечных сомнений и шараханий из стороны в сторону. Если он не колеблясь выбирает направление, его шансы на успех составляют пятьдесят процентов, а оставаясь на месте, он проиграет почти наверняка. Отталкиваясь от этой посылки, потенциальный лидер скоро усваивает необходимость принимать решения. Теперь дело сводится к тому, чтобы его действия основывались на здравом смысле. Если решена и эта проблема, будущему офицеру надо научиться пользоваться своей властью, сделать ее убедительной и приемлемой. На сей счет есть своя техника, и сейчас мы со знанием дела ее опишем. Секреты умения руководить каждое поколение должно открывать для себя заново, но сами по себе эти секреты достаточно просты. Настоящий лидер должен обладать шестью основными качествами, причем качества эти можно приобрести либо развить в себе.

Первый необходимый элемент — воображение. Если предстоит что-то создать, построить, переместить или реорганизовать, руководитель должен четко представлять себе конечный результат. Такая картина, созданная его фантазией, являет собой совокупность элементов, виденных им в другом месте и по другому поводу, но сейчас преобразованных в новом контексте. Встав на мостик нового, еще не укомплектованного людьми судна, капитан должен видеть, что именно он хочет провести в жизнь, чего хочет добиться. Отбирая лучшее из своего прошлого опыта, он создает в воображении единое целое. Возможно, реальность не

будет иметь с этим ничего общего, но, по крайней мере, вначале наш руководитель знал, что он собирается делать. Воображение необходимо, и ничего важнее для руководителя нет, ибо без воображения он будет блуждать в тумане.

Второй элемент — знание. Без него не спланировать маршрут, который приведет к цели. Именно знание дает лидеру необходимую уверенность, ощущение того, что он знает, о чем говорит. В мире полно профанов, занимающих ответственные посты, иногда это объясняется слишком быстрым продвижением по службе, иногда просто отсутствием мозгов. Им трудно завоевать уважение профессионально грамотных и компетентных специалистов. Как правило, они сознают уязвимость, непрочность своего положения. За эту свою слабость они отыгрываются на подчиненных придирками, срывают на них зло, кричат и оскорбляют. Кое-кто считает, что виной этому плохое усвоение пищи или сварливая жена. Но у начальника-грубияна есть своя подсознательная мотивация, и это непреложный факт. Такой начальник знает, что в его ведомстве будут часто совершаться ошибки — как было везде, где он работал,— и он заранее хочет доказать, что виноваты в них другие, а не он. Все младшие по службе — разгильдяи, бездельники, тупицы и не болеют за дело. Работники его уровня некомпетентны, завистливы, суют нос не в свое дело и дальше этого носа ничего не видят. Его начальники, увы, не способны оценить человека по достоинству. Стоит ли удивляться, что документы теряются, письма остаются неотправленными, ничего не делается в срок, а указания не выполняются? Бог свидетель, он сделал все, что в его силах, но и он не может поспеть всюду, а доверять нельзя ну просто никому. В основе некомпетентности подобного рода часто (но не всегда) лежит невежество. Такой человек буквально не ведает, что творит.

Итак, важность знаний неоспорима. То же можно сказать и о третьем элементе — умении. Это слово нуждается в определении, ибо надо четко разграничить понятия «умение» и «мастерство». Мастер легко делает то, что другим дается тяжелым трудом. Он играет на виолончели, выбивает сотню в крикете. Но когда человек выходит за пределы собственных способностей и организует работу других — например, дирижируя оркестром или становясь капитаном футбольной команды,— ему требуется умение. Его личное мастерство (которое должно быть выдающимся) отходит на второй план, тут важнее его умение руководить другими. Человек умелый способен контролировать положение. Каждый под его началом получает задание точно по своим возможностям, каждый точно знает, что ему надлежит делать. У такого руководителя всегда порядок и на фабрике, и в собственном кабинете, он не расходует впустую ни время, ни деньги, ни усилия. Но прежде всего умелый руководитель отмечен печатью артистичности, у него есть стиль. Хорошо организовать дело — это, в конце концов, упражнение в эстетике; при наличном материале распределить усилия так, чтобы никто не перерабатывал и никто не бездельничал. Организация бурлит, но в ее центре — зона спокойствия, где работает самый умелый из всех, работает безо всякого раздражения или паники.

Время от времени в мире появляется человек исключительно умелый или одаренный, наделенный к тому же даром предвидения. Это гений, для нашего мира — большая редкость. И все же чем больше мы будем взращивать и готовить людей умелых, тем вероятнее, что кто-то из них окажется личностью исключительной; и чем больше будет таких людей с выдающимся умением руководить, тем вероятнее, что у одного из них окажется и дар предвидения. Умения вполне достаточно, если иметь в виду обычные цели, но иногда мир предлагает поле деятельности и для гения. К сожалению, в нужном месте и в нужное время гений, как правило, не появляется. Наверное, нам нужна система для размещения наличной толики гениальности на земле; но разработать такую систему под силу только гению.

Следующее необходимое (для руководителя) качество — решительность. Это не просто суровая решимость добиться успеха. Качество это делится на три элемента. Первый и главный из них — понимание того, что выполнить поставленную задачу людям под силу. Генерал, который снарядил и обучил свои войска (в достаточном количестве) и привел их, хорошо вооруженных, к нужному месту в нужное время, знает — победа возможна. К этому знанию он, при достаточной решимости, добавляет веру в успех: то, что можно сделать, будет сделано. Наконец, ему необходимы ресурсы, чтобы заразить своей верой окружающих. Он должен так описать поставленную задачу, чтобы она выглядела заслуживающей внимания. В свете его описания жертвы должны казаться пустяком, возможные потери — мелочью. В его спокойной убежденности подчиненные черпают вдохновение. К его врагам на войне или конкурентам на производстве его сторонники испытывают нечто вроде чувства жалости. Неужели эти несчастные сами не понимают, что их усилия тщетны, что судьба уже занесла над ними карающий меч? У них нет шансов на спасение: их перехитрят, обойдут с фланга и разгромят.

Следующий фактор — беспощадность — нынешнее поколение не всегда принимает с готовностью: многие этому качеству предпочитают диплом в области промышленной психологии. Опыт показывает, что подлинный лидер не знает жалости к разгильдяям, бездельникам и тем, кто не болеет за дело. В противном случае все бремя работы падает на плечи усердных работяг. Если в организации служат люди, от которых пользы как от козла молока, у остальных быстро пропадает чувство локтя. Без элемента страха нет власти, руководитель должен быть окружен ореолом страха. Есть лидеры, которых обожают и которыми восхищаются, но это вовсе не значит, что им неведома беспощадность. Когда в их авторитете уже никто не сомневается, нужда внушать страх не столь сильна, но, как правило, в их предшествующей карьере беспощадность играла не последнюю роль. И утверждать, что она не нужна,— большая ошибка.

Последний фактор — привлекательность. Тут не имеется в виду привлекательность в обычном смысле, ибо это качество нам не подвластно. Но лидер должен быть магнитом; центральной фигурой, к которой притягиваются все остальные. Магнетизм в этом смысле зависит прежде всего от частоты появления на публике. Есть (как мы уже видели) тип власти, которую можно осуществлять за закрытыми дверями, но это не лидерство. В зоне активных действий истинный лидер всегда на переднем плане, кажется, что он одновременно находится всюду. Он становится легендой; про него рассказывают анекдоты, правдивые или лживые — неважно; это личность. Есть один довольно простой способ — не появиться на мероприятии, на котором тебя ждут, и одного этого достаточно, чтобы пошли слухи о каком-то неотложном деле, задержавшем тебя. С другой стороны, такой лидер появляется, когда его никто не ждет, и снова разговоры: вот, мол, для кого-то это пустяк, а он интересуется. Этот дар будить любопытство к собственной персоне лидер всегда сочетает с нежеланием говорить о себе. Его явно интересуют другие: он расспрашивает людей, поощряет их на разговор, запоминает то, что считает важным. Он никогда не уходит со встречи, пока мысленно не заполнит мини-досье на каждого присутствующего — поможет при следующей встрече. Нельзя сказать, что интерес к чужим делам у него напускной, но он предпочитает не говорить, а слушать. Значимость этого человека становится очевидной для окружающих.

Но если согласиться, что умение руководить — это искусство, которому можно научиться, примем и другую посылку: чем раньше мы начнем постигать эту науку, тем лучше. Сочетать опыт с молодостью — эта задача в мире людей никогда не решалась легко, а ведь будущему лидеру надо дать возможность реализовать себя. Но что происходит сегодня? Мы до бесконечности растягиваем срок обучения, требуем все более высокой технической квалификации, и вдруг оказывается, что наш будущий руководитель вот-вот перейдет в категорию, именуемую «средний возраст». Двадцать лет под чьим-то началом — и шанс стать хорошим руководителем упущен навсегда.

Перевел с английского М. ЗАГОТ

Дэн & Джошуа

Предлагаем вашему вниманию два материала об американской молодежи: как живут, о чем думают и мечтают твои, читатель, американские сверстники. Первый материал — разговор нашего корреспондента с юношами из США, Дэном и Джошуа. Они из зажиточных семей, и, по-видимому, именно социальный статус во многом определяет их взгляд на действительность. В этом разговоре не со всем можно согласиться, непосредственность в рассуждениях молодых американцев порой граничит с наивностью, а причины спутаны со следствием. Например, проблема безработицы, как считают Дэн и Джошуа, для молодых людей их круга вообще не стоит, что же касается тех, кто не имеет работы, то это, как правило, люди плохо воспитанные, необразованные, родившиеся в гетто. Интервью, конечно, предлагает лишь фрагмент, случайно выделенный из огромной картины действительности, возможно, типичный, но все-таки частный случай. В ином ключе сделан второй материал; в нем журналист Уильям Грейдер пытается на основе социологических исследований проанализировать положение американской молодежи, которое, как оказывается, значительно сложнее и драматичнее, чем видят его Дэн и Джошуа.

Дэн и Джошуа студенты. Дэн учится на юридическом факультете в Калифорнийском университете, а Джошуа — на филологическом в Техасском. Приехали в Москву в Институт имени А. С. Пушкина изучать русский язык. Дэну нужен русский, потому что он собирается работать в сфере советско-американских отношений, Джошуа хочет стать писателем и любит Достоевского. А к нам в редакцию они зашли поговорить по-русски. Каждому из них чуть больше двадцати, они уверены в себе и в будущем.

И это все, что можно сказать о них? Уверенностью и оптимизмом полностью ли они исчерпываются? Нет ли в них страха перед завтрашним днем? Страха оказаться без работы? Или рассчитывают на деньги и помощь родителей? Как относятся к работе? Вот такие обыкновенные у нас вопросы. Дэн и Джошуа — благополучные молодые американцы, каких, по-видимому, немало в богатой Америке,— с удовольствием отвечают, практикуясь в русском языке. В будущем как должное они ждут от жизни успеха и комфорта за свой (конечно, добротный) труд. А деньги — само собой разумеющееся — будут: раз хорошо работаешь, значит, хорошо зарабатываешь. Главное тут другое — моральное удовлетворение от труда и чтобы он был полезен обществу, говорят они столь знакомые нам формулировки. Тут я пошутил: у вас, ребята, социалистическое отношение к труду — и американцы рассмеялись.

ДЭН: Возможно, если бы мы родились в бедных семьях, мы бы не так рассуждали, боялись бы за будущее.

ДЖОШУА: Я знаю одного парня в Техасе — он родился в бедной семье. Главное в его жизни — деньги. В двенадцать лет он уже занимался мелкой торговлей, а в пятнадцать был богат, очень богат. Теперь он владеет огромной фирмой грузовиков в Техасе. Но делать деньги только ради денег скучно... Конечно, некоторым кажется, что деньги сами по себе обеспечивают престиж.

— А вы так не считаете?

ДЭН: По-моему, престиж — это не то, каким ты представляешься другим, престиж — это так работать, чтобы от работы получать удовольствие. А знаешь, кто в Вашингтоне получает самую высокую зарплату? Один знаменитый баскетболист. Не думаю, что он играет, чтобы получать деньги. Он хорошо играет, и ему платят хорошие деньги. Зачем думать о деньгах? Если ты того стоишь, деньги сами к тебе придут.

— То есть деньги, по-твоему,— мера, которой измеряются способности человека и затраченный им труд. И каждому отмеряется по справедливости?

И Дэн, и Джошуа считают, что так оно и есть. Они допускают, что могут обмануться в выбранной профессии — не беда, еще немного учебы — получай новую работу. Но разве так просто человеку поменять рельсы? Что думают об этом Дэн и Джошуа?

Дэн и Джошуа рассказывают о своих родителях, которые не испугались сменить профессию, хотя уже были женаты, имели детей, обязательства перед банком. И все-таки рискнули и добились еще большего успеха.

У Дэна две младших сестры, отец, в прошлом врач в одной из самых больших больниц в Нью-Йорке, теперь занимается фармацевтическим бизнесом. Мать прежде работала секретаршей в одной из фирм, сейчас ей сорок, но она все-таки поступила в университет на психологический факультет и учится вместе со своей дочерью, сестрой Дэна. Отец Джошуа — врач-психиатр, вложил деньги в строительство собственной наркологической клиники.

Родители никогда не отказывали Джошуа в деньгах, но уже в школе, начиная с восьмого класса, он работал сначала официантом в кафе, потом контролером в концертном зале.

ДЖОШУА: Например, если я хотел куда-то поехать, что-то купить, всегда были нужны деньги. А сказать: «Мам, у меня свидание, дай денег» — язык бы не повернулся. С какой стати кто-то будет оплачивать мои развлечения?

Дэн, учась в школе, тоже работал: косил траву на газонах и мыл машины на бензоколонке. На что он тратил заработанные деньги?

ДЭН: Я коллекционировал диски, покупал их уйму.

— В США миллионы безработных, а школьник приходит и получает работу, чтобы заработать на карманные расходы?

ДЖОШУА: Вот у нас в Техасе позакрывались нефтяные компании, много людей осталось без дела. Работу найти трудно. Я две недели повсюду бегал, пока устроился.

ДЭН: Мне или Джошуа устроиться на работу легче, чем, например, парню из гетто. Мы-то из хороших семей, прилично одеты, достаточно образованны, правильно говорим, у нас нет сложностей с полицией. А если, скажем, парень не ходит в школу, говорит по-английски с таким акцентом, что ничего не понять, вся жизнь — на улице, драки, наркотики... Любой хозя-

ин предпочтет с таким не связываться.

— Хорошо, благопристойный школьник способен сам себя обеспечить деньгами на карманные расходы, но вот он поступает в университет — где ему взять несколько десятков тысяч долларов, чтобы оплатить образование, общежитие, еду, занятия спортом, развлечения? У родителей?

ДЭН: Вовсе нет...

ДЖОШУА: Бывает, конечно, что платят родители...

ДЭН: Я одолжил деньги у университета, часть выплатил, но еще должен тринадцать тысяч долларов. Выплатить могу после окончания университета, постепенно. А если пойду работать в благотворительную или неправительственную организацию, например в ООН, где оклады маленькие, тогда университет возьмет мой долг на себя.

— Почему?

ДЭН: Ну, не знаю, наверное, в этом университет видит свою общественную пользу. Но так не во всех университетах... А все-таки я думаю: хорошо, что у меня такой долг, он заставляет меня быть ответственным за то, что я делаю.

— Ладно, деньги за образование вы можете выплатить после университета, работая по специальности, но пока вы учитесь и живете отдельно от родителей, вам нужно куда больше денег, чем школьнику. Родители, наверное, помогают?

ДЭН: Зачем? Я работаю официантом в ресторане рядом с университетом...

— Рядом? А не бывает стыдно прислуживать, скажем, за студентами с младшего курса? А если приглянувшаяся тебе девушка с параллельного курса зайдет и увидит тебя с подносом?

Дэн удивлен.

ДЭН: Но ведь все, так же как я, где-нибудь работают.

Официант не моя профессия — это мой заработок.

— И только? Тебе не нравится эта работа?

ДЭН: Конечно, нет.

— Значит, ты там и не выкладываешься, увиливаешь от лишней работы?

ДЭН: Я должен делать все, как полагается. Я должен быть уверен, что ко мне не в чем придраться. Мне платят.

ДЖОШУА: А мне родители говорят: если хочешь, работай, конечно, но главное, чтобы ты учился. И на первом курсе я не работал. Но, например, я играю в конное поло, очень дорогой вид спорта. Когда я не работал, мне пришлось оставить этот спорт, потому что стыдно было просить у родителей столько денег. Теперь я работаю наставником на младшем курсе и ассистентом профессора, помогаю ему в подготовке рукописей. Но работа — не только заработок. Когда я не работаю, я становлюсь ленивым, вообще ничего не делаю. А работа меня стимулирует, дает уверенность в себе.

Вот такие молодые американцы заходили к нам в редакцию поговорить по-русски.

В. СИМОНОВ

В ожидании ...

Что же они из себя представляют? Чего хотят от жизни? Какие только ярлыки не навешивали на каждое молодое поколение! В бурные шестидесятые и начале семидесятых средства массовой информации называли молодежь бунтарским и идеалистическим поколением, в середине семидесятых — эгоцентричным, а в восьмидесятые годы просто: молодые средние американцы. На первый взгляд они кажутся вполне удовлетворенными и оптимистичными, довольными своей работой и уверенными в будущем. Однако за этой внешней уверенностью таится искреннее беспокойство. Расхожий стереотип молодой зажиточной американской семьи, стремящейся постоянно что-нибудь приобретать, не имеет ничего общего с действительностью. Гораздо более типична пара со средними доходами, серьезно обеспокоенная материальной перспективой. Как выяснилось из опроса молодежи, о которой пойдет речь, 44 процента его участников уже сейчас озабочены тем, как обеспечить свою старость, 38 процентов боятся, что не смогут в будущем сводить концы с концами, 41 процент не уверены, будут ли в состоянии дать образование своим детям.

Как водится, всякий ярлык выхватывает лишь фрагмент из всей картины действительности, мешая созданию объективного представления о поколении как таковом.

Задавшись целью установить, каков же реальный образ нынешнего молодого поколения, журнал «Роллинг стоун» обратился в фирму Питера Харта, занимающуюся исследованиями общественного мнения, с просьбой о проведении широкого опроса американской молодежи практически по всем жизненно важным вопросам — от политических до моральных, от экономических до идеологических.

Журнал ставил целью выяснить: чего ждет поколение от своих политических лидеров? На что надеется в общественной и в личной жизни?

Разумеется, нельзя судить о целом поколении по единичному факту, но ответ на вопрос о героях стал, пожалуй, наиболее показательным из всех. Опрошенным было предложено назвать двух достойнейших, на их взгляд, людей, сыгравших или играющих заметную роль в общественной жизни. И они выбрали не выдающегося президента, не финансового воротилу, не звезду спорта, не ученого и не писателя. Они выбрали черного баптистского священника из штата Джорджия Мартина Лютера Кинга, убитого двадцать лет тому назад[1]. Другой герой этого поколения — молодой сенатор из Нью-Йорка, Роберт Ф. Кеннеди, также убитый в 1968 году.

Кинг и Кеннеди олицетворяют ценности, значимые для поколения и сегодня,— мир и справедливость, терпимость и равенство. Оба они, каждый по-своему, искренне и страстно противостояли национальному самодовольству, боролись за социальные перемены, защищали обездоленных и инакомыслящих. Прискорбно, что за последние двадцать лет в США не появилось никого, кто наравне с Кингом и Кеннеди занимал бы умы сегодняшней молодежи. А эти двое убиты, и их мечты о мире и справедливости так и остались мечтами.

Чувство разочарования — вот наследство, полученное поколением и ставшее его символом.

Многие из них еще не родились, когда были убиты Кинг и Кеннеди, и узнали о движении за гражданские права и об антивоенных выступлениях из книг и журналов. Но именно движение за гражданские права из всех событий шестидесятых наиболее часто отмечалось опрошенными как оказавшее на

[1] *См. «Ровесник» № 4 за 1988 г.*

..нового лидера

Уильям ГРЕЙДЕР,
американский журналист

них наиболее сильное воздействие. А на вопрос, чем же тогда они отличаются от поколения своих родителей, были получены такие ответы: мы более терпимы, у нас меньше предрассудков, мы менее консервативны, нас больше волнует вопрос равноправия женщин, мы более либеральны, более оптимистичны, менее религиозны.

По-видимому, они будут поражены и даже, наверное, разочарованы, узнав, что опрос выявил куда большую их консервативность, карьеризм и политическую апатию, чем они сами от себя ожидали.

Молодые явно стремятся держаться подальше от политики. Лишь каждый третий следит за новостями ежедневно, только 6 процентов опрошенных заявили о своем участии в общественных кампаниях или сборе денег на общественные нужды и всего 1 процент — о регулярном участии в демонстрациях протеста.

40 процентов опрошенных безразличны к политике. Регулярно участвует в выборах лишь 51 процент молодежи, а это гораздо меньше, чем в других группах населения. И даже по таким вопросам, в которых все проявляют полное единодушие,— неодобрение политики вмешательства в дела других стран и гонки ядерных вооружений — очень и очень немногие проявляют реальную политическую активность.

Выяснилось, что причины подобного безразличия к политике также коренятся в опыте шестидесятых, в гибели Кинга и Кеннеди, в глубочайшем разочаровании, порожденном войной во Вьетнаме. О размере человеческих жертв в Индокитае у этого поколения имеется самое непосредственное, личное представление. У 48 процентов опрошенных кто-либо из родственников или знакомых был убит или ранен. Среди тридцатилетних этот показатель достигает 70 процентов.

Элизабет Монтано, 23 года, специализируется по средневековью и эпохе Ренессанса в университете Болл, штат Индиана. «Что мы думаем о Вьетнаме? Этого не должно повториться. Мы не вправе осуждать воевавших там парней — не их в том вина, но больше такого быть не должно».

Горечь полученного ими урока, недоверие к политике слышатся во всех их ответах. Только отрицательные выводы: бессмысленная бойня; слишком много жертв, слишком много убитых.

Хватит Вьетнамов... нет больше героев. В наследство остался лишь надломленный идеализм — неспособность поколения выполнить некую свою собственную позитивную миссию, обогатить нацию новыми, более возвышенными ценностями. Вместо этого поколение замкнулось в себе.

Элизабет Монтано: «Мы в трудном положении. Хорошо еще, что с Россией стали понемногу улучшаться отношения. Но смотрите, что происходит с Никарагуа. Сколько ни требуют прекратить помощь контрас, к этому не прислушиваются. Мы им помогаем, а у самих дома люди голодают. И хоть бы что, как будто своих проблем у нас нет».

Они — поколение изоляционистов в этом мире, который становится все более взаимозависимым. Вот еще один острый вопрос — при каких обстоятельствах я бы согласился воевать? Ответы, полученные журналом «Роллинг стоун», просто ошеломляют: 40 процентов и из них 27 процентов молодых мужчин не сумели определить, что реально могло бы заставить их сражаться за интересы страны. Только 33 процента опрошенных выразили готовность вместе с союзниками защищать интересы Западной Европы, 19 процентов согласны сражаться против коммунистического влияния в странах третьего мира и 21 процент — за американские интересы в Персидском заливе.

В целом же все единодушно высказались, что воевать стоит лишь при возникновении непосредственной угрозы американским границам. Но даже и в этом случае 27 процентов опрошенных не выразили желания вступить в ряды американской армии. Несмотря на популярность Рэмбо, патриотизм послевоенной Америки уступил место скептицизму поколения, которое больше не верит, что его правительство ведет лишь справедливые войны.

Раймонд Дайз специализируется на электронной инженерии в Техасском университете, его отец участвовал в разработке ядерного оружия, но Раймонд — убежденный сторонник идеи разоружения, считающий, что «технологию можно использовать только в мирных целях, особенно теперь, когда отношения между США и СССР улучшаются и мы приближаемся к разоружению... События во Вьетнаме заставили нас задуматься о людях, с которыми мы воевали. Вот почему нас все труднее вынудить воевать в других странах, например в Центральной Америке».

К добру это или нет, но поколение дало такой значительный крен в политических взглядах, какому не было аналогов со времен довоенного изоляционизма. Это новое направление общественного мнения, по-видимому, способно удержать страну от очередной бессмысленной войны, но не исключено, что будет препятствовать своевременной реакции на международные экономические требования времени.

Поколение, чьи ценности сформировались в годы второй мировой войны, знало, что Америка способна сражаться за правое дело, что залог победы во всеобщей солидарности. Именно оно выдвинуло на политическую арену новых боевых лидеров. Поколение шестидесятых вынесло из своего опыта совершенно иные уроки. Оно оказалось как бы вне общественной системы и в оппозиции к официальному руководству по любому вопросу: гражданские права, война во Вьетнаме. Поколение не сумело вовремя занять жизнеспособную позицию и растратило свою энергию в конфликтах с правительством и меж собой. Оно считало, что любая общественная система порочна, что каждый должен следовать собственному моральному кодексу и что от политиков все равно ничего хорошего не дождешься. Была потеряна вера в надежность общественных институтов, в глобальное предназначение своей страны. С тех пор ничто не смогло вернуть эту веру.

Вот почему многие политики терпели поражение в своих попытках достучаться до этой огромной массы потенциальных избирателей. А ведь это поколение могло бы в корне изменить всю американскую политику, если бы только во главе его встал долгожданный лидер с позитивной программой. Но пока этого не произошло, и не исключено, что не произойдет никогда.

Они — приверженцы идеализма Мартина Лютера Кинга, но при этом отворачиваются от глобальных политических задач современности, погрузившись в свои личные проблемы. И как же прикажете обращаться к избирателям, которые не доверяют ни единому слову, звучащему из Вашингтона, и в то же время ждут, что правительство разрешит их материальные проблемы? Кто они вообще — либералы или консерваторы? Если хотите, и то и другое, а правильнее сказать — не то и не другое.

В самом деле, политическое видение поколения невероятно сужено. Их в основном волнуют каждодневные заботы.

Дженнет Медина, 23 года, помощ-

ник медицинской сестры, родом из Пуэрто-Рико, живет в штате Массачусетс: «Когда я росла, такого, как сейчас, не было. Теперь совершается столько преступлений. А еще этот СПИД. И наркотики. Жизнь становится жестче. Зарабатывать все труднее. Мы с мужем оба работаем, живем вполне прилично, но у меня маленькие дети, и временами мне страшно не хочется, чтобы они становились взрослыми. Ведь им будет гораздо сложнее. Им столько предстоит перенести».

Похоже, что поколение отчаялось что-либо изменить в этой жизни. На вопрос о том, что могло бы разбудить их к активной общественной деятельности, мало кто называл такие проблемы, как защита окружающей среды или ядерное разоружение. Чаще прочих назывались проблемы здоровья и личной безопасности. Так, 32 процента опрошенных готовы участвовать в антиалкогольных кампаниях, 30 процентов — следить за поддержанием общественного порядка в своем районе.

Том Гессе: «Я бы хотел, чтобы побольше средств отпускалось на содержание стариков и бездомных. И пусть детям будет полегче поступать в колледжи. Вот что действительно принесет пользу стране — надо предоставить детям образование, а то они болтаются по улицам и принимают наркотики. Будь Мартин Лютер Кинг жив сегодня, борьба за гражданские права велась бы куда успешнее».

Это поколение истосковалось по моральному лидеру. Ему нужен человек, который сумел бы возродить духовные заповеди доктора Кинга, политику сострадания Бобби Кеннеди и надежду, которую умели внушить два этих человека.

Но новому лидеру придется куда труднее, чем Кингу или Кеннеди. Ведь они обращались к поколению идеалистов, свято веривших в предназначение нации и не сомневавшихся в силе своих идеалов. Сегодняшний лидер имеет перед собой молодежь, практически потерявшую надежду на перемены, не желающую выходить за рамки своих личных проблем. Эту молодежь необходимо убедить в том, что их личные трудности и политика не противостоят друг другу, а находятся в тесной взаимозависимости. Личная обеспокоенность проистекает в конечном итоге от политических неурядиц, будь то экономическая нестабильность или мировая опасность. Для того чтобы твоя семья жила спокойно, многое должно быть сделано именно на политической арене — защита всеобщего есть и защита своего.

Донести эту мысль до людей невероятно сложно, особенно потому, что история последних лет свидетельствует как раз об обратном. Но, как учил Мартин Лютер Кинг, истинно нравственно лишь служение всеобщей справедливости, а не только личным интересам.

Перевела с английского
М. ДУБРОВСКАЯ

Адольф МУШГ,
швейцарский писатель

СЛОВО О ЛЕСЕ

Мир и природа — два понятия, близких и дорогих для каждого жителя Земли. Защита мира и защита природы — два дела, в которых сходятся и обретают единство люди разных политических убеждений, разных стран, разного цвета кожи. Потому что речь идет о глобальных, общечеловеческих проблемах — проблемах, от решения которых зависит жизнь каждого из нас.

Экологическое состояние нашей планеты внушает тревогу всем здравомыслящим людям, где бы они ни жили. Река, отравленная химическим выбросом в одном конце Европы, несет свои воды в другой. Завод, выпускающий в воздух ядовитый дым, создает опасность для города, находящегося в полутысяче километров, в другой стране. Человечество вдруг ощутило себя в конфликте с выработанным им самим способом производства, который угрожает уничтожить реки, моря, зверей и леса. Леса вымирают во многих районах Земли. Что делать? Как спасти природу для будущих поколений?

Никогда в истории люди еще не стояли перед угрозой столь обширной экологической катастрофы. Новая опасность требует нового мышления, новое мышление выражает себя в новых, нетрадиционных поступках. Один из таких поступков коллективно совершили 120 швейцарских писателей. Они создали небольшие произведения на одну тему — о лесе, о его ценности для человека. Потом добровольные переписчики за символическую плату перенесли эти произведения на 283 пергаментные страницы. Так возникла рукописная «Книга о лесе». Писатели передали эту книгу молодым членам лесной общины Рютли. Зачем было всем вместе писать на одну тему? Зачем на пергаменте? В чем смысл этой гражданской инициативы? Об этом сказал писатель Адольф Мушг, выступивший с речью на торжественной церемонии передачи книги...

Я передаю вам рукописную книгу о лесе. 120 авторов написали о лесе, а потом их тексты были искусно переписаны на средневековый пергамент. Для чего?

Разве нам не остается ничего другого, как писать на старый манер, потому что ничего нового не приходит нам в голову, когда мы думаем о вымирании леса? Не подменяем ли мы каллиграфией необходимые действия?

Я расцениваю создание рукописной книги о лесе как символический акт. Тут важно не только **что**, но и **как**. Я не стану возражать тому, кто скажет мне: «Надо сильно отчаяться, чтобы вместо поступков создавать символы». Да, нас приводит в отчаяние отсутствие здравого смысла в наших политиках, путаница, которая царит у них в головах, когда они думают о приоритетах, неспособность нашей системы извлекать уроки из чего бы то ни было. Мы отчаялись от главных конфликтов нашей цивилизации, но — если мы честны, то должны понимать, что это значит также: от противоречий в нас самих.

Рукописная книга о лесе — это символическая попытка доказать нашу волю к переменам, доказать ее тем, что мы поступаем в этом небольшом деле совсем по-другому, чем принято. Труд, который вложен в книгу, не измеряется деньгами. Авторы получили так же мало, как переписчики. С рыночной точки зрения рукописная книга представляет из себя раритет, предмет роскоши. Но как акт дружной совместной работы, она представляет собой нечто совсем другое: пример внеэкономических отношений. Мы не можем купить лес за деньги, так же как не можем купить эту книгу. Может так случиться, что мы поймем это, когда леса уже не будет. Тогда и наше собственное выживание станет невозможным.

Эта рукописная книга не продается — как напоминание о том, что мы продаем самих себя, рассматривая лес

только с экономической точки зрения.

Эта рукописная книга — попытка так изменить привычки нашей жизни, чтобы надежды, которые питают наши дети, не рассыпались в прах.

Эта книга существует только в одном экземпляре. Это роднит ее с лесом, с жизнью каждого из нас, с каждым мгновеньем...

Рукописная книга всегда создается с целью сделать что-то прекрасное и необычное. Но разве сама наша жизнь имеет иные цели? Слова, которые стоят на этих страницах, возникли оттого, что каждый автор чувствовал необходимость говорить о лесе. Но в красивом почерке не было необходимости. Он — знак того, что не одна необходимость определяет нашу жизнь. Смысл жизни — это не ход дел. Смысл жизни должен быть взят под защиту, чтобы ход дел не убил его, совершенно так же, как это происходит с лесом.

Эта рукописная книга — плод терпения. Лес рос из поколения в поколение; теперь он может исчезнуть с лица Земли на протяжении жизни одного поколения. Велико искушение быстро и нетерпеливо отреагировать на тот цейтнот, в котором мы находимся. Но мы обязаны осознать, что нехватка времени — часть наших проблем. У нас не очень-то много времени, и именно поэтому нам необходимо много терпения. Потому что терпение — это единственный способ по-человечески обходиться со временем. Оно — противоположность беспомощности. Оно — наш первый поступок. Оно означает, что мы понимаем лес не только умом, но и чувством.

Долина Ури многие века жила тем, что являлась транзитной дорогой для путешествующих. Теперь долине грозит смерть от транзита. Ури стала куском земли, который хотят оставить за спиной прежде, чем въедут сюда. Шоссе тут — симптом, а не причина. По шоссе едут люди, которые верят, что настоящая жизнь начинается только в конце пути и что нет максимальной прибыли без минимальной затраты времени. Но это иллюзия. Кто разучился распознавать свои пути, тому не помогут никакие цели и тот не сможет использовать себе на пользу свой выигрыш. Вокруг шоссе раскинулась «полоса отчуждения»; места, где раньше путника ждали отдохновение и покой, стали одним сплошным дефектом. Тот, кто так относится к своим дорогам, не должен удивляться, если ландшафт съежится и погибнет — ландшафт не только пространства, но и души.

Эта рукописная книга не предназначена для публикации в обычном порядке. Она — попытка быть услышанным, не потому, что кричишь громче всех, а потому, что не кричишь вообще. Эта рукописная книга тиха, и она — протест против болтовни. Она не будет выставлена ни на какой книжной ярмарке. Она — обращение к молодым членам общины. И она пытается передать то, что должна сказать, через способ, каким была сделана.

Эта рукописная книга — ностальгическое произведение. Ностальгия — это слово мы понимаем как «болезненное возвращение». Как боль за родину. Но возвращение, которое подразумеваем мы, ведет в будущее. Если мы хотим, чтобы будущее состоялось, мы снова должны начать чувствовать себя хозяевами на земле. И лес имеет тут значение не как зеленое алиби наших добрых намерений, не как кулиса для проезжающих, не как «зона отдыха», но как Лес, со своими требованиями, которые тесно связаны с нашими.

Здесь, в лесной общине Рютли, каждый знает, что, говоря о лесе, мы прежде всего имеем в виду самих себя. Сейчас самое время перестать говорить об «окружающей среде» так, как будто мы сами не принадлежим к ней; так, как будто вымирание леса — зрелище для публики, а экология — дело экспертов. Это же наше понимание роста и развития не дает расти и развиваться деревьям! Причины, из-за которых умирает лес, находятся в нас самих. Газ, который стал невыносим для леса, выдумывается прежде всего в наших головах, а уже потом течет из труб в небо.

Рукописная книга о лесе — это прежде всего жалоба на нас самих. Но в мире нет никого другого, кто бы услышал эту жалобу и помог,— только мы. То, чего не сделаем мы, не свершится.

Рукописная книга о лесе — объявление войны нашей удобной глупости, короткому дыханию наших привычек. Мы сами виноваты, если продолжаем терпеть чуждых нам судей над собой — от «валового национального продукта» до «максимального уровня прибылей». Если речь идет о лесе, то речь пока что идет в основном о «расчете окупаемости и стоимости». Так думают те, кому мы доверяем нашу жизнь, предоставляя им руководящие посты и общественное уважение.

Эта рукописная книга — письмо ко всем кантонам Швейцарии. Мы клянемся встать на защиту леса, потому что он тот сук, на котором мы все сидим.

Эта рукописная книга — весть о свободе. Поле нашей свободы сузилось. Мы не можем обещать себе, что спасем лес. Но мы еще достаточно свободны, чтобы попробовать. Мы знаем: это будет дорогостоящая глава в истории Швейцарии. Чтобы спасти лес, нужны деньги. Но разве наше будущее не дороже всех денег?

700 лет назад Рютли был островом, созданным людьми в зеленой пустыне. Сегодня все переменилось в мире: наши леса — это исчезающие острова в пустыне цивилизации.

Наши предки понимали, что лес, угрожающий их поселениям, одновременно защищает их. Одно из их величайших культурных достижений состояло в том, что они поняли: «То, что защищает нас, само должно быть взято под защиту». И все более и более борьба с лесом становилась борьбой за лес. Одновременно это была борьба за чувство равновесия, которое необходимо человеку, являющемуся частью природы. Неужели мы уже утратили это чувство?

Деревья стали меньшинством, которому угрожает вымирание. Швейцария всегда гордилась тем, что берет меньшинства под защиту. Но здесь речь идет не только о нашей гордости. От леса зависит, не задохнемся ли мы на нашем пути к прогрессу. И это — не образ. Растения живут потому, что могут вдыхать то, что мы выдыхаем. Мы живем потому, что можем вдыхать то, что выдыхают они.

Когда мы в будущем, желая обеспечить сообщение через перевал, поднимемся туда с кислородной маской на лице и заменим последнее дерево на бетонную конструкцию — не окажется ли так, что это сообщение будет уже ненужным? Коммуникация найдет новые пути. Создать иллюзорную поездку в Альпы в каком-нибудь симуляторе — это не представляет из себя технической проблемы. Леса, которые необходимо заснять на видеокассеты для создания подобных иллюзий, будут стоять еще довольно долго. Вымирание не происходит в один день.

Успешная замена природы картинами природы началась уже давно. Не дурачим ли мы таким образом самих себя? Может быть. Несколько месяцев назад, например, одна община отказалась участвовать в этой игре, цель которой — заменить Швейцарию картинами Швейцарии.

Люди не хотят быть эвакуированными из их реальности.

Как трудно противопоставить надежду отчаянию — об этом говорит пример авторов рукописной книги и ее переписчиков.

Пергамент — прочный материал. Нам нужна прочная надежда. Мы хотим, чтобы и через 700 лет можно было прочесть о том, на что мы надеялись и чего боялись сегодня.

В лучшем случае люди посмеются над нашими заботами. И это будет значить: наше отчаяние и наша надежда не пропали даром. Они повлияли, они что-то изменили.

В худшем случае через 700 лет никто не сможет сказать, что мы ничего не знали, что никто ничего не видел. Наша рукописная книга будет свидетельством против нашей невинности.

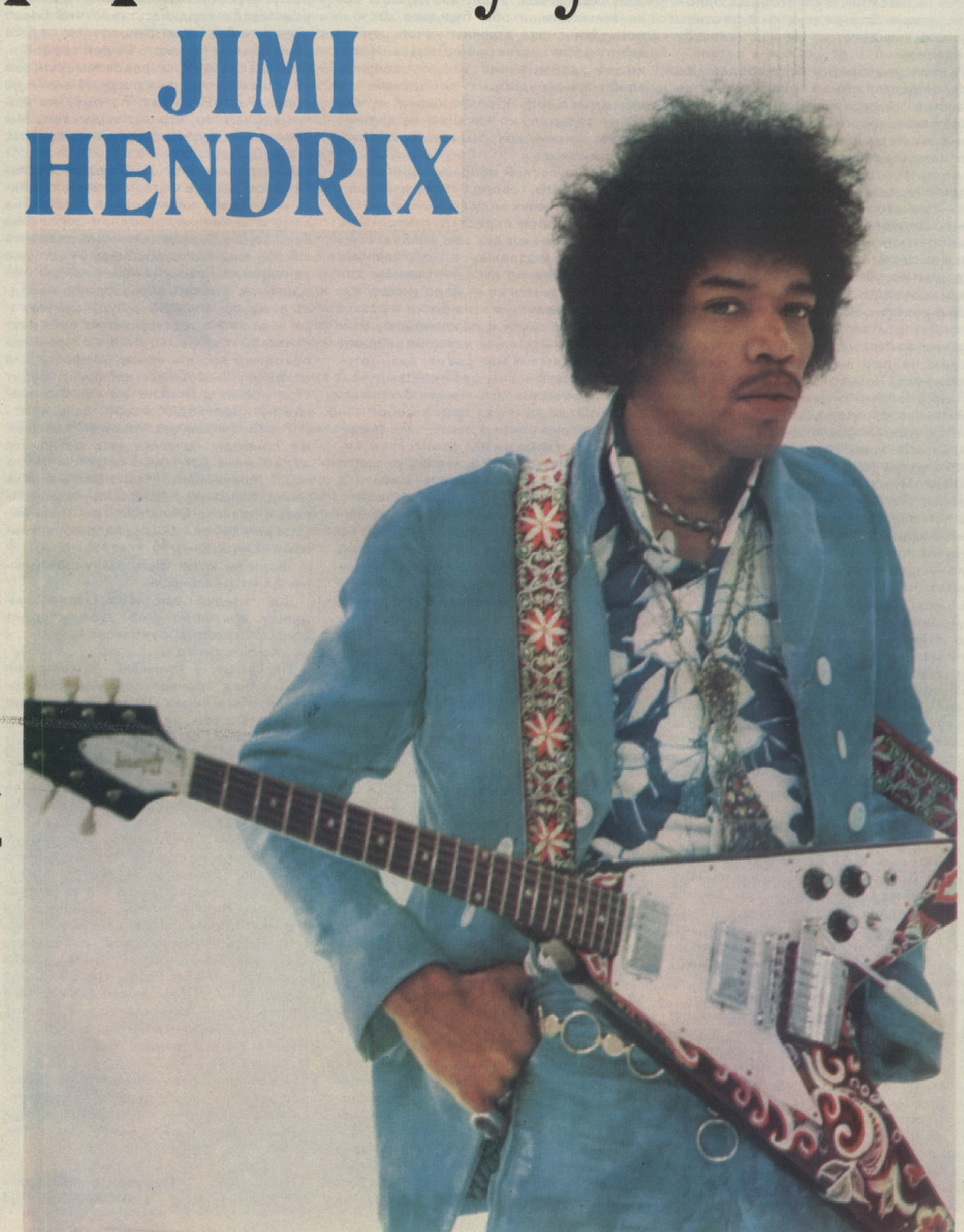
В наихудшем случае: пергамент превратится в органическое удобрение. Он мало чем сможет помочь нашей мертвой планете. Разве что он станет первой пригоршней земли для первого ростка мха — пионера новой жизни.

Но эту новую жизнь мы с бóльшим удовольствием начали бы раньше, а именно — ТЕПЕРЬ.

Такое нетерпение должно быть разрешено. Во имя будущего мы, отправители, передаем эту прочную и терпеливую рукописную книгу нам, адресатам.

Перевел с немецкого
А. ПОЛИКОВСКИЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ

F РОК—ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»

FOLK ROCK (Фолк-рок). Это музыкальное направление оформилось в конце 50-х — начале 60-х гг., когда ритмические приемы, получившие распространение в поп-музыке, стали использовать для аранжировки народных мелодий. Одним из первых известных исполнителей фолк-рока стал американский певец и композитор Боб Дилан («РЭР» № 9/88).

Наивысшая популярность фолк-рока пришлась на середину 60-х, когда на эстраде появились такие авторы и исполнители, как Ричи Хейвенс, Йони Митчелл, Мелани, а также самые разные группы, использовавшие в своих композициях элементы народной музыки. Известный американский музыковед Алан Ломакс определяет этот стиль так: «Если в «очищенной» от аранжировки рок-композиции слушатель способен хотя бы фрагментарно уловить народные мотивы, значит, мы безусловно имеем дело с фолк-роком» — классическим примером может служить песня Пола Саймона и Артура Гарфанкела «El Condor Pasa».

«FOREIGNER» («Форинер»), группа «Иностранец» образовалась в 1976 г. в США.

Исходный состав: Мик Джонс, гит., вок.; Иэн Макдональд, клав., флейта, гит., вок.; Эл Гринвуд, клав.; Лу Грэмм, вок.; Эд Гальярди, бас; Деннис Эллиотт, уд.

Три английских музыканта с солидным стажем работы в самых известных группах (Джонс играл в «Спуки тут» и группе Лесли Уэста, Макдональд входил в состав «Кинг Кримзон» и «Макдональд энд Джайлз», Эллиотт в качестве сейшнмена сотрудничал с «Кинг Кримзон» и «Муди блюз») и три неизвестных американца основали «Ф.» в Нью-Йорке. Пластиночный дебют состоялся в 1977 г. и ознаменовался невероятным успехом: мелодичный хард-рок группы тех лет стал моделью современного стиля глэм-метал, а сами «Ф.» по сей день пользуются уважением как приверженцев «чистого» хард-рока, так и «металла».

К началу 80-х тираж первых трех альб. «Ф.» превысил 20 миллионов, но коммерческий успех отрицательно сказался на творчестве: «Ф.» стали писать однообразную музыку, в композициях появились мелодические клише, что не замедлило сказаться на популярности. К середине 80-х «Ф.» превратились в одну из многих рок-групп, работающих на стыке глэм-метал и хард-рока,— сейчас такой стиль традиционно называют хард-н-хэви. В настоящий момент «Ф.» несколько поправили свои дела, но и этот успех — скорее коммерческий, а не творческий.

Пл.: Foreigner, 1977; Feels Like the First Time, 1978 [EP]; Double Vision, 1978; Head Games, 1979; Foreigner-4, 1981; Records, 1982 (сборник); Best of Foreigner, 1983 (сборник); Agent Provocateur, 1984; Inside Information, 1987.

Лу Грэмм соло: Ready or Not, 1987.

Изменения состава: 1979 — Гальярди, +Рик Уиллс, бас, вок.; 1980 — Макдональд,— Гринвуд.

«FRANKIE GOES TO HOLLYWOOD» («Фрэнки гоуз ту Холливуд»), группа «Фрэнки едет в Голливуд» образовалась в 1981 г. в Великобритании.

Исходный состав: Холли Джонсон, вок.; Пол Разерфорд, вок.; Питер Джилл, уд.; Марк О'Тулл, бас; Джерард О'Тулл, гит.

Несколько странное название гр. возникло, как утверждают сами музыканты, после того, как им на глаза попалась старая афиша концертов Фрэнка Синатры в Голливуде.

После серии неудачных выступлений «Ф. г. т. Х.» все же удалось попасть в одну из популярных муз. программ Би-би-си. Их заметил известный продюсер Тревор Хорн, и в сотрудничестве с ним был записан первый альб. Три сингла из этой пл. один за другим заняли первое место, а четвертый — второе в британском хит-параде. В популярности синглов и альб. немалую роль сыграли необычный имидж группы и экстравагантные видеоклипы.

Вторая пл. почти повторила успех первой: здесь заметно влияние «новой волны» и электропопа.

С самого начала совместной деятельности во взаимоотношениях музыкантов возникла напряженность, которая достигла апогея в период работы над вторым альб. Вокалист группы Х. Джонсон предпочел сольную карьеру, и вопрос о том, продолжит ли «Ф. г. т. Х.» свою деятельность, остается открытым.

Пл.: Welcome to the Pleasuredom, 1984 (2LP); Liverpool, 1986.

Изменения состава: 1982 — Дж. О'Тулл,+Брайан Нэш; 1986 — Джонсон.

«FREE» («Фри»), группа образовалась в 1968 г. в Великобритании.

Исходный состав: Пол Коссофф, гит.; Саймон Керк, уд.; Энди Фрейзер, бас; Пол Роджерс, вок.

Коссофф и Керк играли во второразрядной группе «Блэк кэт боунз», Роджерс выступал с квартетом «Браун шугар», а Фрейзер входил в состав группы Джона Майалла,— объединившись под названием «Free At Last» («Наконец-то свободны!»), музыканты обратились за помощью к известному блюзовому музыканту Алексису Корнеру (именно он сократил название до «Фри»), который организовал группе контракт с фирмой «Айленд». «Ф.» сразу же отправились на гастроли в США, и первые пл. имели там огромный успех. Стиль «Ф.» — а они играли резкие, пронзительные блюзы, мелодическую основу которых составляли «цепочки» гитарных аккордов,— оказал большое влияние на становление рок-музыки; более коммерческий вариант манеры «Ф.» позже представили такие группы, как «Бэд компани», «Форинер» и многие др.

Неожиданно в группе возникли разногласия, и в конце 1970 г. «Ф.» распались. В 1972 г. гр. собралась в первоначальном составе, но в 1973 г. музыканты разошлись окончательно. Коссофф организовал гр. «Бэк стрит краулер» (Пол Коссофф умер в 1976 г.); Роджерс и Керк создали «Бэд компани» («РЭР» № 1/88).

Пл.: Tons of Sobs, 1969; Free, 1969; Fire and Water, 1970; Highway, 1970; Free Live, 1971 (Live LP); Free At Last, 1972; Heartbreaker, 1973; The Free Story, 1973 (2LP — сборник); Best of Free, 1975 (сборник); Free and Easy Rough Ready, 1976 (сборник); Pop Chronik, 1977 (2LP — сборник); All Right Now, 1978 (EP — не изданные ранее песни); Completely Free, 1983 (сборник).

Коссофф и Керк: Kossoff, Kirke, Tetsu and Rabbit, 1971 **(с Тетсу Ямаучи и Джоном Бандриком).**

Пол Коссофф соло: Back Street Crawler, 1973; Koss, 1977 (2LP — сборник); The Hunter, 1981 (сборник). **Пол Коссофф с группой «Бэк стрит краулер»:** The Band Plays on, 1975; Second Street, 1976.

Пол Роджерс соло: Cut Loose, 1983.

Энди Фрейзер с группой «Шаркс»: First Water, 1973; Jab It in Your Eye, 1974. **Энди Фрейзер соло:** Andy Fraser Band, 1975; In Your Eyes, 1975.

Изменения состава: 1972 — Коссофф,— Фрейзер,+Тетсу Ямаучи, бас,+Джон Бандрик, клав.

FREED, ALAN. Алан Фрид (15 декабря 1922 г.— 20 января 1965 г., США).

Один из самых известных (если не сказать — самый известный) диск-жокеев в истории поп-музыки, А. Ф. считается автором термина «рок-н-ролл». И в начале 60-х, когда реакционные круги США развернули борьбу с рок-н-роллом, объявив его «исчадием большевизма», А. Ф. стал одной из первых жертв этой оголтелой кампании.

В юности А. Ф. играл на тромбоне в джазовом ансамбле «Султаны свинга» (в его честь «Дайр стрейтс» назвали одну из самых популярных своих песен). После окончания университета шт. Огайо А. Ф. работал звукооператором на местной радиостанции, потом переквалифицировался в спортивного комментатора, и наконец стал диск-жокеем. После переезда в Кливленд А. Ф. возглавил музыкальную редакцию радиостанции для молодежи — он был первым, кто познакомил белую аудиторию с негритянской музыкой.

В 1954 г. А. Ф. уехал в Нью-Йорк, где приобрел репутацию «самого талантливого и популярного диктора американского радиовещания». К этому времени А. Ф. снова начал писать музыку, и некоторые его композиции исполняли такие звезды тех лет, как Чак Берри и группа «Мунглоуз».

Музыкальные пристрастия А. Ф. дали основания реакционным кругам навесить на диск-жокея ярлык «любитель черномазых»: на фоне начинавшейся антирок-н-ролльной кампании этого было достаточно для его увольнения с радиостанции.

Вслед за этим последовали обвинения в антиамериканской деятельности, А. Ф. несколько раз представал перед судом в качестве ответчика, и лишь смерть в начале 1965 г. остановила постыдный фарс правосудия.

FUNK (Фанк). Если предельно сузить понятие, то фанк — это негритянская танцевальная музыка с выделенными ударными, полиритмическая, для которой характерны минимальная мелодичность и активное синкопирование. Традиции фанка восходят к несложным композициям Джеймса Брауна начала 60-х, прослеживаются в музыке таких групп, как «Букер Ти энд зе Эм-Джи», «Слай энд зе Фэмили Стоун», «Охайо плейерс», «Парламент/Фанкаделик» и мн. др. Фанк с более простым ритмом стал основой ритмич. структуры стиля диско.

В конце 70-х фанк превратился в своего рода пренебрежительный термин — в среде профессиональных музыкантов так стали называть простенькие композиции, в которых мелодическая убогость компенсируется ритмическими «выкрутасами» — эпитет «фанки», то есть «посредственный», «незатейливый», сейчас часто используют англ. и амер. критики при рецензировании пл. Таким образом, в своем первоначальном значении термин «фанк» практически исчез из обихода, хотя использование элементов этого стиля в композициях последних лет говорит о том, что музыкальное долголетие фанку гарантировано.

FUSION (Фьюжн). Фактически фьюжн (англ. «сплавление», «слияние») — это слияние двух или более муз. стилей (например, англ. арт-рок, в котором «сплавлены» элементы классической муз. и рок-аранжировки инструментальных партий). Однако большинство групп, которых классифицируют как исполнителей фьюжн, играют синтез джаза и рока, основоположником которого является джазовый трубач Майлз Дэвис («РЭР» № 8/88): он был первым, кто в середине 60-х стал использовать электроинструменты и ритмы рока в длинных джазовых импровизациях.

Многочисленные последователи Дэвиса — Джон Маклафлин, Тони Уильямс, Билли Кобхэм («РЭР» № 7/88), Чик Кориа, Джозеф Зауинул и Уэйн Шортер — несколько видоизменили «сплав» джаза и рока, переведя акценты на рок, что обеспечило стилю успех в молодежной аудитории. Для этого направления стали характерными сложные фортепианные и гитарные аккорды, виртуозные инструментальные соло. В конце 70-х джазовый саксофонист Орнетт Коулмен, известный как виртуоз фри-джаза, сделал джаз-рок фьюжн более мощным, динамичным и назвал свой вариант «гармонический фьюжн».

РЭР

вне очереди

Едва ли не единственный примечательный факт в истории ансамбля — это то, что успех выпал на долю музыкантов из «неурожайной на звезды» Норвегии: такое событие, по мнению специалистов, случается в шоу-бизнесе раз в тридцать лет. В начале 80-х Пал Ваактаар (гит., клав.) и Магс Фурухолмен (клав.) организовали в Осло любительскую группу. Когда в ансамбль пришел вокалист Мартен Харкет, родилось короткое название «А-ха», и музыканты начали обивать пороги студий грамзаписи. В результате ими все же заинтересовалась фирма «Уорнер бразерз». Первый сингл «Take on me» занял верхние места в хит-парадах США и Великобритании, и в «Уорнер бразерз» поняли, что риск оправдал себя. К работе над первой долгоиграющей пластинкой было привлечено целых три продюсера. Вышедший в конце 1985 года альбом «Hunting High and Low» с лихвой окупил затраты, успешными в коммерческом отношении были и следующие работы: пл. 1986 года «Scoundrel Days» и диск 1988 года «Stay on These Roads».

Музыка «А-ха» — это электронный рок, при этом недостаток стилевых особенностей восполняется запоминающимися мелодиями. Ничем не выделяя «А-ха» в ряду таких электронных групп, как «Алтравокс» и «О.М.Д.», критики оценивают композиции ансамбля как «одномерные конструкции, полные неприступной скандинавской меланхолии и сдобренные холодным звучанием клавишных инструментов».

Бабочка и дракон Редона

Пьер КАБАНН,
французский искусствовед

Однажды Луи Пастер, просмотрев рисунки Одилона Редона, с полной серьезностью заметил: «Впечатление такое, будто ваши чудовища — существа живые». Никакая иная оценка не могла стать лучшей похвалой художнику, ибо не было для него ничего хуже, чем выглядеть человеком, потерявшим себя в фантастическом мраке, неким безликим мазилой с больным воображением, живущим в плену своих кошмаров.

Понимать суть необыкновенного и таинственного Редон учился у своего друга Шарля Бодлера, утверждавшего, что «способности движимы воображением», и у Эдгара По, говорившего, что «всякая истина — суть порождение грез». Этот невозмутимый человек с добрыми глазами, облаченный в мягкие домашние тапочки, с виду ничем не походил на художника с буйной фантазией. Ничего от богемы в нем не было. Все самое удивительное он держал внутри себя, а когда говорил: «Я рисую облаком»,— то выплескивал на холст все, что когда-то видел во сне. Подобно Иеронимусу Босху, Уильяму Блейку и Гойе, Одилон Редон, по собственным словам, «логикой видимого наделял невидимое», создавая при этом мир дивный и фантастический. Смысл своего искусства и образа мыслей он выразил в следующей фразе: «Художники, большей частью не воспринимающие содержание предмета, пишут только его очертания и не могут понять то, что заложено внутри и вместе с тем вне его».

Родольф Бреден, первый учитель юного Редона, как-то раз сказал ему: «Видишь вон ту трубу на крыше дома? Она рассказывает свою сказку. Если у тебя хватит сил и терпения хорошо понаблюдать за ней и понять, что она говорит тебе, то ты легко сможешь представить ее в самом невероятном и в самом причудливом виде. А когда твое воображение будет иметь под собой основу и ты сможешь заключить его ну хотя бы в пределы вот этой стены, то видение твое оживет. Это и есть искусство». Слова учителя очаровывали, но нисколько не удивляли юношу, потому что сам он в мыслях своих уже создавал фантастические миры, а воображение рисовало ему самые невероятные сюжеты.

Одилон Редон родился 22 апреля 1840 года. Детство провел в местечке Пейрелебад, среди виноградников Медока, близ Бордо. Родители мальчика предпочитали жить в городе, а сам он любил одиночество, царившее у подножия громадных сосен, раскачивающихся от порывов ветра. За соснами — чуть дальше — угадывался серебристый шелест морских волн.

Он жил в мечтах и легендах. Учиться в колледже ему было невыносимо скучно, и единственным его утешением стало рисование. Этому искусству он начал обучаться поздно — с пятнадцати лет. Он открыл для себя, что все в природе имеет форму и цвет, а форма и цвет зависят от воображения. И он принялся писать пейзажи, батальные сцены, фантастические сюжеты — все, на что было способно его воображение. Это был, как художник потом писал в своем дневнике, «мир, полный отчаяния, черные дымы романтизма, окутывавшие меня тогда».

В парижской школе изящных искусств, куда он поступил позднее, Одилон Редон учился в студии Леона Жерома. Жером, будучи художником посредственным, являлся сторонником чисто академических форм живописи. К тому же он оказался натурой крайне раздражительной и всячески старался подавить в молодом человеке уже начавшую проявляться яркую индивидуальность. А его двадцатипятилетний ученик обладал душой весьма чувствительной. «Он совершенно не понимает меня,— признавался Редон.— Я замечал, что его глаза не видят того, что видел я». Тем не менее Одилон продолжал писать в строгих рамках, уготованных ему его учителем. Он не был бунтарем по натуре. Несколько своих академических работ Одилон пред-

ставил для показа в Парижском салоне. Увы, публика оставила их без внимания. Однако Гюставу Доре все же приглянулись несколько офортов Редона, и он пригласил его к себе в подмастерья, положив ему двести франков ежемесячного жалованья, но тот отказался. Ни славы, ни величия он не искал, но был уверен, что способен на большее, чем быть подмастерьем Доре. Он предчувствовал свой путь, свою тему.

В 1870 году вспыхнула франко-прусская война, и Одилон Редон стал солдатом. За несколько месяцев войны он пережил всю горечь бесславного поражения своей родины; в его памяти навсегда запечатлелись бегство побежденной армии, деревни, охваченные пожарами, гибнувшие под свинцовым дождем боевые товарищи.

Однажды утром, на заре, среди раненых солдат, метавшихся в агонии на соломе, устилавшей санитарную повозку, где вперемешку с живыми лежали и убитые, ему показалось, что он увидел циклопа: это был труп солдата, сраженного пулей в лоб. Это кошмарное видение впоследствии неоднократно возникало в его рисунках.

Когда война закончилась, Одилон Редон перебрался в Париж, откуда каждое лето выезжал в родной Пейрелебад. В 1878 году он впервые отправился в Голландию: ему хотелось «отдать долг памяти Франсу Гальсу и Рембрандту, но,— добавил он,— особенно Рембрандту». Через год Редон выпустил свой первый альбом литографий под названием «В мире грез», вслед за ним вышли «Истоки», «В память о Гойе», «Размышления» и три части «Искушения Святого Антония». Его вдохновение, стремившееся проникнуть в бесконечные лабиринты алогического, невероятного и фантастического, поражает. Сам художник объяснял свой труд в следующих выражениях: «Богатейший опыт, самый необходимый для дальнейшего осуществления моих громадных замыслов, я приобрел, тщательно копируя предметы, их внешнюю форму; в них меня интересовала каждая деталь, каждая случайность. После того как немало сил мною было отдано на то, чтобы научиться с точностью воспроизводить форму камня, травы, руки, профиля головы, мне стало ясно, что пришло время обратиться к моему воображению».

Его воображение с наибольшей силой выражало себя в литографиях и рисунках. Уголь он называл «черной пастелью». Из таинственного и мрачного мира его видений в те годы возникали фантасмагории «Лодки», «Раковины» и «Витражи», «Рождение Венеры» и «Будды» и неповторимо впечатляющий образ «Букетов цветов», венчики которых сияют ослепительно яркими тонами, напоминая фантастических бабочек или насекомых...

Современники художника, в большинстве своем восторгавшиеся импрессионистами, их смелым опытом и победами, не оценили его; рисунки Редона воспринимались ими как «бред безумца». В 1884 году, когда в Салоне независимых была организована первая выставка работ Одилона Редона, имя художника оставалось фактически никому не известным.

Затем он участвовал в восьмой и последней выставке импрессионистов; к сожалению, его рисунки были расположены очень неудачно — в затемненном проходе — и смотрелись довольно мрачно на фоне общего царства воздуха и цвета. Все-таки его заметили — писатель и критик Октав Мирбо писал в столичной газете «Де Голуа», что «Редону удалось блестяще показать грань между сновидением и реальностью, мечтой и действительностью». Это был успех, который ничего не менял. Редон так и оставался в живописи одиночкой, идущим своим путем.

Спустя три года Одилон Редон представил свои работы на первую выставку художников-граверов в Салоне Дюрана Рюэля. В это же самое время его стало угнетать одиночество; он, плохо понятый своим поколением, страстно захотел окунуться в молодость, узнать, чем живет молодежь, каковы ее мнения, суждения, надежды и чаяния.

Молодые люди, для которых импрессионизм был пусть недалеким, но все-таки прошлым, лучше понимали его. Когда в 1891 году газета «Эко де Пари» проводила опрос среди молодых художников, то на вопрос «кого из мастеров живописи вы ставите превыше всего?» Эмиль Бернар, которому был 21 год, нисколько не раздумывая, ответил: «Среди современников превыше всех я ставлю Сезанна и Одилона Редона».

На такой лестный отзыв Редон отреагировал так:

«...В первый раз в жизни мне публично дал высокую оценку молодой художник, и я этим тронут... Придет тот день, когда вы, несомненно, поймете, как важно, чтобы вами восхищался кто-то из молодого поколения, ибо такое восхищение заставляет вас забыть прошлые неудачи и придает вам силы, быть может, в последний раз...»

В последний раз... Редону тогда было уже за пятьдесят; его лицо, как и прежде, выражало спокойствие, а глаза светились нежностью. Он стал настоящим «черным» магом. Теперь он больше писал маслом и пастелью. Феерические, порою мрачные образы, декоративные причуды и таинственные аллегории — все, что только мог породить его «двойственный мир неопределенности»,— все это жило на его полотнах. Редона называли «таинственной личностью», «сюрреалистом». Ему это не нравилось. «Сюрреалистическое,— говорил он,— меня не интересует». Он не был «творцом тайны», человеком, лелеявшим загадку в себе. Скорее он был поэт, воспевавший невидимое. Когда Редона попросили проиллюстрировать Метерлинка, он ответил: «Это прекрасный писатель, однако он мыслит слишком таинственно, а я предпочитаю порядок и ясность в мыслях».

Он пытался соединить несоединимое: фантастику и реальность, уголь и пастель. В рисунке «Закрытые глаза» Редон впервые с помощью пастели попытался придать определенную цветовую гамму своему фантастическому символическому искусству; сначала он делал это робко, в чем-то сомневаясь, а потом все его цвета вдруг засияли, и уже в рисунке «Букеты цветов» достигли блеска красоты редкостной и проникновенной. В натюрморте «Ракушки» цветовая гамма засверкала необычайно радостно. В картине «Аполлонова колесница» яркий свет подавил власть тьмы. Точно такой же сюжет некогда изобразил на своем холсте Делакруа. Восхищаясь им, Редон писал: «Это триумф света, победившего тьму. Это радость расцветшего дня, восторжествовавшего над сумеречной тенью ночи. Это веселье, победившее печаль». Мрачным он не был — ни в жизни, ни в живописи.

В 1891 году в Брюсселе вышел Сборник литографических работ Одилона Редона. Популярность художника росла; молодые живописцы, о знакомстве с которыми он так давно мечтал, потянулись к нему, и их общество вырвало его из одиночества, на которое он сам обрекал себя своим искусством. Гоген — а Редон дружил с ним уже несколько лет — познакомил его со своим учеником Серюзье. Друзьями Редона стали известные художники Боннар, Вюйар, Морис Дени и скульптор Майоль. Молодой критик Альбер Орие в 1892 году отзывался о Редоне как о «провозвестнике нового слова, на которого равняется молодежь», тогда как Гюстав Моро и Фантен-Латур называли его мыслителем, ведущим поиск эстетических принципов нового искусства.

На это Одилон Редон здраво отвечал: «Мне приписывают слишком много аналитического ума, хотя склонность к анализу любопытным образом проявляют все молодые художники, посещающие меня. Я не перестаю удивляться им. Что в моих работах такого, что заставляет их быть проницательными? Своими работами я лишь приоткрыл дверцу, ведущую в таинственное. Только прикоснулся к фантастическому миру. А им следует идти дальше».

В 1894 году в Салоне Дюран Рюэля была организована первая большая выставка произведений Одилона Редона. И критиков, и зрителей они повергли в изумление. Для публики конца прошлого века это было слишком необычно. Он опередил свое время. Через тридцать лет основоположник сюрреализма Марсель Дюшан назвал его творчество «точкой отсчета». А пока что его нет-нет да упрекали в... спиритуализме, что вызывало у него лишь улыбку. Он сам не считал себя ни мистиком, ни спиритуалистом. Он был просто выдумщик, фантазер, человек, видевший цветные и яркие сны.

В начале нашего века он продолжал писать необычные натюрморты, мифологические сюжеты, разноцветных бабочек, химер и драконов. Он и в пожилые годы создавал аллегории и символы. С той же радостью, с какой делал это на заре своей жизни, одиноким мальчиком в местечке Пейрелебад.

Перевел с французского Игорь АЛЧЕЕВ

Порт на одном из западных побережий Европы. Бедно одетый человек лежит в рыбачьей лодке и дремлет. С иголочки одетый турист заряжает в фотоаппарат новую кассету с цветной пленкой. Он хочет заснять эту идиллию: голубое небо, зеленое море, набегающее на берег приветливыми белоснежными барашками, черная лодка и красная шапочка рыбака. Щелк. Еще раз — щелк. Но, как известно, бог любит троицу или береженого бог бережет, поэтому и в третий раз — щелк. Враждебный звук будит дремлющего рыбака. Спросонья он протягивает руку, ищет пачку сигарет, но услужливый турист опережает его и сует под нос сигарету. Раздается четвертый щелчок — это зажигалка. На этом суетливая услужливость туриста на время заканчивается. Однако сразу же возникает неловкая пауза, которая особенно чувствуется после чрезмерного наплыва суетной вежливости. Турист, который, к счастью, знает язык, пытается преодолеть эту паузу, завязав разговор.

— Хороший улов будет у вас сегодня.

Рыбак качает головой.

— Но мне сказали, что погода сегодня будет хорошая.

Рыбак кивает в ответ.

— Так вы не выйдете в море?

Рыбак отрицательно качает головой. Турист начинает нервничать. Его наверняка заботит удача этого бедно одетого рыбака, ему будет грустно, если рыбак упустит такую прекрасную возможность.

— О, может быть, вы себя плохо чувствуете?

Наконец-то рыбак переходит от языка жестов на нормальную речь и отвечает:

— Я чувствую себя отлично... Никогда раньше я себя так хорошо не чувствовал.— И в подтверждение своих слов он встает и потягивается, как будто хочет продемонстрировать свое атлетическое сложение.— Я чувствую себя фантастически хорошо.

Выражение лица туриста становится все более грустным. Он не может больше сдержать вопрос, который его мучает с самого начала:

— Так почему же вы сегодня не пойдете в море?

Ответ звучит очень просто и лаконично:

— Потому что я сегодня уже выходил в море.

— Хороший был улов?

— Он был настолько удачен, что мне не нужно выходить еще раз. У меня в корзине лежат четыре омара, и я еще поймал дюжины две скумбрий...

Рыбак уже окончательно проснулся. Он по-доброму похлопывает туриста по плечу. Печальное лицо последнего воспринимается рыбаком как выражение тревоги. Правда, не он ее вызвал, но эта озабоченность его трогает.

— Мне этого улова хватит даже на завтра и послезавтра,— говорит он, чтобы снять бремя тревоги с души туриста.— Хотите попробовать моих сигарет?

— Спасибо.

Оба берут по сигарете, раздается пятый щелчок, и турист садится на борт лодки, озабоченно качая головой. Он кладет фотоаппарат в сторону — ему нужны обе руки, чтобы придать своей речи бóльшую выразительность.

— Я не хочу вмешиваться,— говорит он,— но только представьте себе: вы выйдете сегодня в море во второй, в третий, может быть, даже в четвертый раз и поймаете еще три, четыре, пять или даже десять дюжин скумбрий... Вы только представьте себе...

Рыбак кивает в ответ.

— Представьте себе,— продолжает турист,— если вы будете не только сегодня, но и завтра, послезавтра или каждый погожий день выходить в море по два, три или четыре раза... Представляете, что тогда будет?

Рыбак отрицательно качает головой.

— Да через год вы купите себе моторную лодку, через два — вторую, через три или четыре года — маленький катер, а на двух лодках в придачу к катеру вы сможете делать более крупные уловы. И вот однажды вы сможете купить два катера, вы сможете... (На мгновение от восторга у него пропадает дар речи.) Вы откроете свое дело, может быть, коптильню, а потом и маленькую фабрику. У вас будет свой вертолет, можно будет вести наблюдение за косяками рыб и давать указания своим катерам по радио. Вы сможете взять патент на разведение карпов и открыть рыбный ресторан. Омаров будете без посредников экспортировать в Париж... а потом... (Он снова лишается дара речи.)

Качая головой и страдая всем сердцем, не испытывая уже больше никакой радости от отпуска, он смотрит на мирно катящиеся к берегу волны, где резвятся еще непойманные рыбы.

— А потом,— говорит он. ...Но тут он кашляет, так как чуть было не поперхнулся от возбуждения. Рыбак хлопает его по спине, как это делают маленьким детям, когда им что-то попадает в горло.

— Ну и что потом? — спрашивает он тихо.

— Потом?..— говорит турист с тихим восхищением.— Потом вы сможете спокойно сидеть и дремать на солнце, смотреть на это прекрасное море.

— Но я и сейчас это могу делать,— говорит рыбак.— Я спокойно сижу у моря и дремлю, а щелчок вашего фотоаппарата потревожил меня.

Озадаченный турист уходит с берега. Раньше он тоже думал, что работает для того, чтобы в один прекрасный день вообще перестать работать. У него не осталось и следа жалости к этому бедно одетому рыбаку. Только появилось немного зависти.

Перевел с немецкого
Владимир БАЗЕЛЕВ
Рис. Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ВЫ СПРАШИВАЛИ

...**О РАБОТАХ РОК-МУЗЫКАНТОВ В КИНО.** Знаменитый английский певец Стинг снялся уже в десяти фильмах (на снимке вы видите кадр из фильма «Дьюн»), и, как говорит сам Стинг, «только к десятому я стал наконец-то понимать, как это трудно, а поначалу мне казалось, что в кино может сниматься любой! Зато теперь у меня появился другой, типично актерский предрассудок: мне кажется, что любой может стать кинорежиссером. Но вот с этим я буду в себе бороться нещадно!»

Однако новый проект Стинга не менее труден: он создал собственную фирму грамзаписи и собирается специально для молодежи выпустить серию пластинок классической музыки. Первой из них станет «История солдата — сказка о беглом солдате и черте» Игоря Стравинского.

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

ЧЕРНЫЕ ВОЛОСЫ, КАРИЕ ГЛАЗА и непременное, как говорили наши бабушки, «рискованное» декольте — это Сабрина, украшение телеэкранов и журнальных страниц. Но двадцатилетняя уроженка древней Генуи не только демонстрирует себя, она еще и поет. Читатели журнала «Браво» присудили ей третье место по популярности (после Мадонны и Сандры). Недавно певица записала свой первый диск; не мудрствуя лукаво, его назвали «Сабрина». С дебютом!

ЭВОЛЮЦИЯ СЕРФИНГА достигла своей вершины, которая находится на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Надеемся, что дальше серфингу «ехать» некуда, потому что «Ровесник», рассказавший когда-то давным-давно про серфингистов на парусных досках, а потом на снежных, начинает чувствовать себя скованным по рукам и ногам почти что родственными узами с этой доской. И все же не можем не сообщить, что француз Алэн Буке все-таки сумел проскользить по облакам (точнее, по слоям воздуха) на своем серфе со скоростью 350 км/ч!

Р. S. Приземлялся он с парашютом.

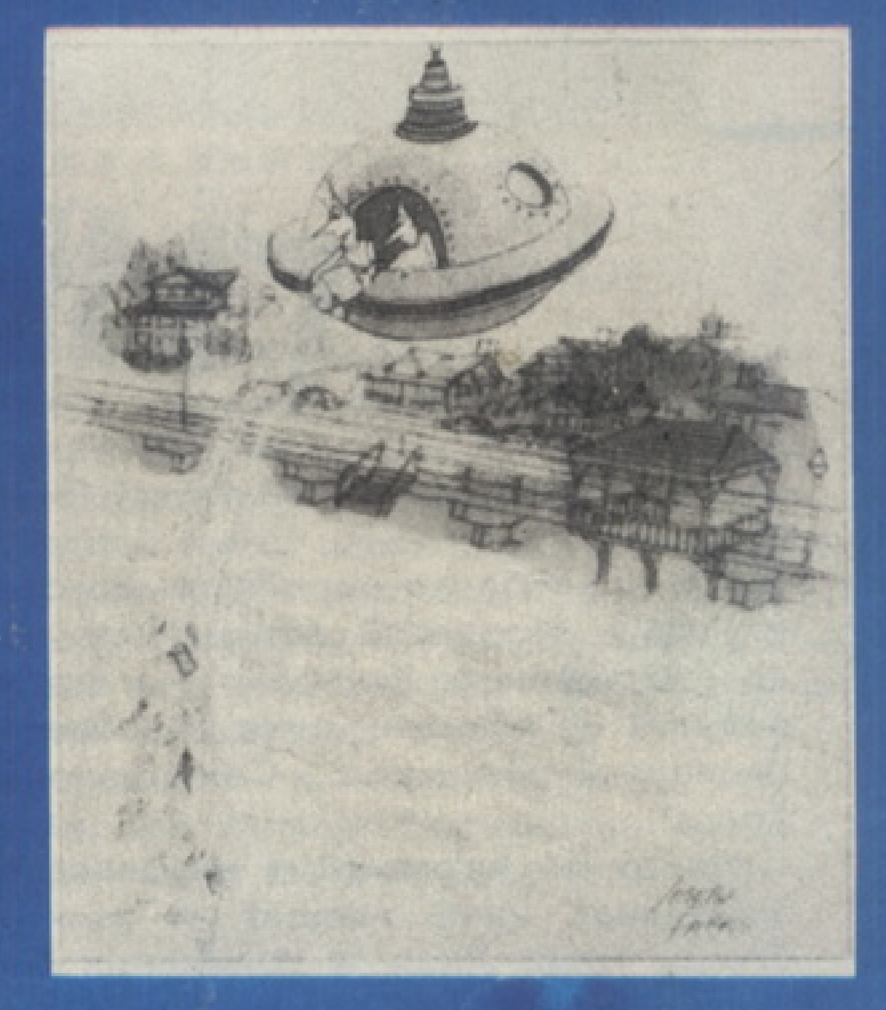

«СКУЧНЫЙ И БАНАЛЬНЫЙ РИТУАЛ», «самый незначительный из итальянских конкурсов». О чем это! Оказывается, о порядком надоевших итальянцам конкурсах красоты: в этом году «мероприятие» отпразднует свое 50-летие. Да, когда-то это было весело и, может быть, кому-то интересно: обсуждать, сравнивать, узнавать пикантные подробности личной жизни. Тогда в жюри были известные режиссеры, они задавали остроумные вопросы, на глазах у публики происходило рождение будущих кинозвезд, дикторов телевидения. У нынешних красавиц амбиции дальше рекламных роликов не простираются, да и деятели искусств давно отвратили свой взор от их парада: слишком много развелось «королевок» (как говорят итальянцы) — в каждом городе, провинции, на каждом курорте... Все это просто надоело. Однако конкурс 1988 года всколыхнул страну, послужив поводом для большой дискуссии, в которой приняли участие и простые телезрители, и именитые граждане, и целые политические партии. Речь шла о морали, нравственности, религии и о позициях государственного телевидения, которое, по общему мнению, «скорее покажет пару бедер, нежели станет обсуждать какую-либо прогрессивную идею».

ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ ДЛЯ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ! Занимаетесь аэробикой! Плаваете в бассейне! Бегаете! Прекрасно! Можете дальше не читать. Информация для остальных: в моде — ходьба! Знаменитая американская актриса Джейн Фонда, создательница телекурса аэробики, давно уже просто ходит. Вместе с ней ходят 25 миллионов американцев. Вслед за Америкой зашагала Европа. Такой популярности, утверждают специалисты, не знал ни бег трусцой, ни прочие массовые увлечения. Час, полтора или два часа ходьбы в день — и вы обретаете «грацию дикой кошки, раскованность движений и стройную фигуру», гласит реклама.

А ЧТО РИСУЮТ!

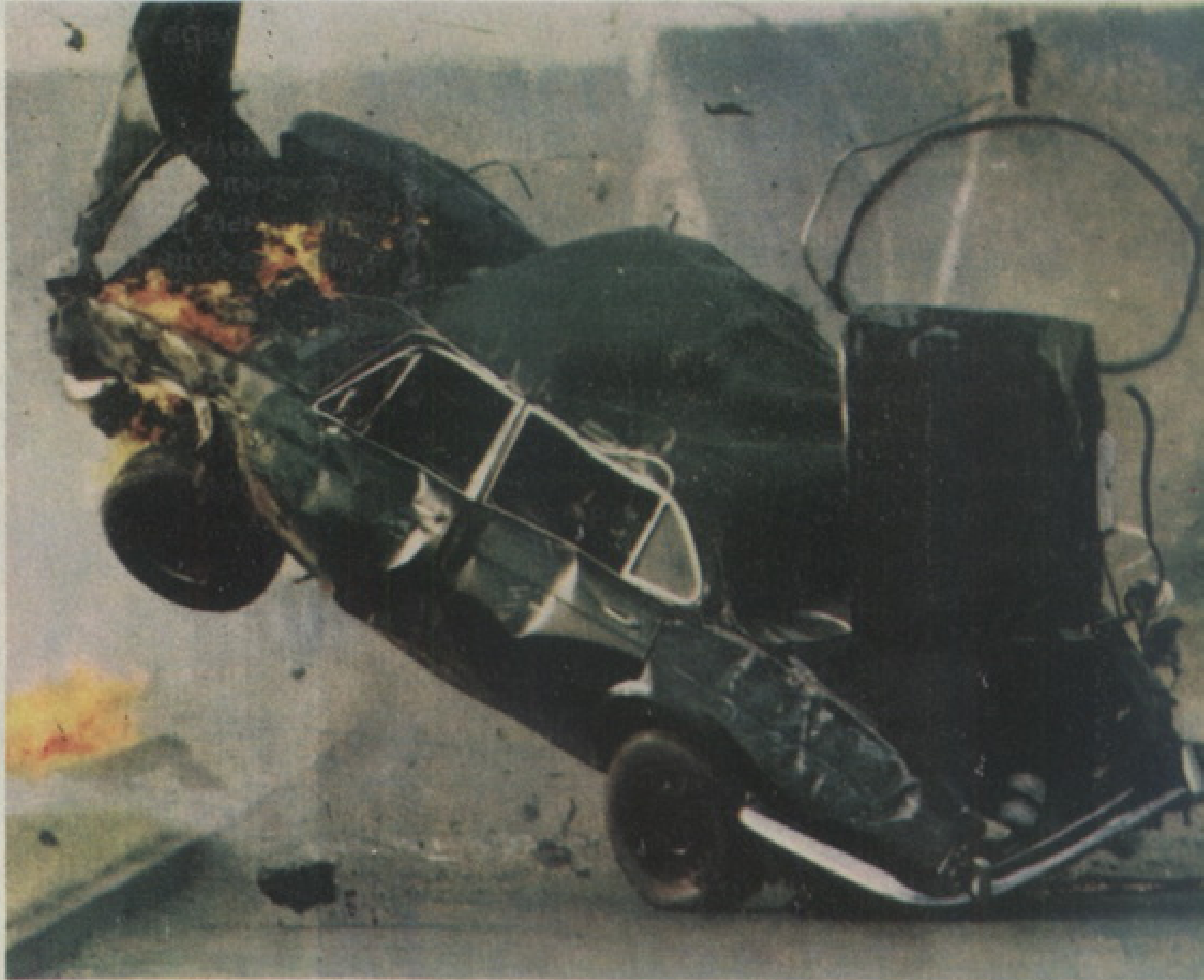
— Да не волнуйся! Мы же должны вести себя как настоящие земляне!

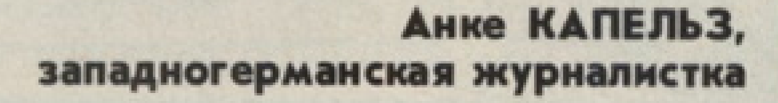
«Штерн», Гамбург

ГРУППА ШВЕЙЦАРСКИХ ТУРИСТОВ, обвязавшись спасательным канатом, отважно штурмовала Альпы. Вдруг они увидели гигантскую обезьяну: шерсть на ней висела клочьями, а лицо было совершенно плоским. Страшилище стремительно приближалось... И тут у одной из дам не выдержали нервы. С диким доисторическим визгом она бросилась прочь, увлекая за собой, к расщелине, соседей по канату. И все могло бы кончиться очень печально, если бы не проводник: «Но мы же обещали вам нечто сверхъестественное! Это наш Йети!» И тогда снежный человек снял парик и маску...

Анке КАПЕЛЬЗ,
западногерманская журналистка

ГИБЕЛЬ «ЯГУАРА»

Что такое десять секунд? Ничто. И все же:

мчался себе по дороге темно-синий, длинный, красивый автомобиль «ягуар», наскочил на грузовик — и вот уже валится на обочину куча безобразных горящих обломков. Секунда — вечность!..

Никто не произносит ни слова. Безобразная куча трещит и дымится. Очень тихо. Лишь в отдалении безучастно шумит несмолкающий автобан Гамбург — Ганновер.

Режиссер фильма Геро Эрхардт рычит в микрофон: «Пожарные!» Три человека срываются с места и, держа в руках чемоданчики с красным крестом, мчатся к догорающим обломкам «ягуара». Они извлекают из горящего лома нечто, увенчанное шлемом, и осторожно пытаются придать ему вертикальное положение. Не падает! И даже начинает отряхиваться! Все радостно орут и хлопают в ладоши — трюк снят!

Вечером каскадер Германн Йоха сидит в гамбургском ресторанчике вместе со своей командой — трое техников и второй шофер. Ресторан далеко не первоклассный. За окном теннисный корт, слышны глухие постукивания мяча, возгласы теннисистов. Но лично меня сильнее раздражает радио, постоянный звуковой фон обычной забегаловки средней руки. Ничего не поделаешь — более комфортабельные заведения каскадерам не по карману.

Германн улыбается. Он с удовольствием делает глоток из своего бокала и произносит:

— Такого трюка еще никто в Федеративной Республике не делал!

От утреннего напряжения не осталось и следа. Неужели это он всего несколько часов назад стоял передо мной с таким отсутствующим взглядом, отказываясь отвечать на любые вопросы?..

— Было страшно?

— Нет, страха я не ощущаю. Только немножко сосет под ложечкой от напряжения. А больше ничего.

Не допускает и мысли, что в его бесстрашии можно усомниться. У него лицо подростка. Темные, коротко стриженные волосы. Настороженный взгляд зеленых глаз. Спрашиваю:

— Наверно, при вашей работе не должно быть места для чувств?

— Голова должна быть абсолютно пустой. Никаких мыслей. Но только не превращаться в робота! Моя главная специальность — импровизация.

Он готовился к этому трюку, занявшему несколько секунд, неделю за неделей — множество долгих дней. Подготовленность — хорошо, но еще лучше — готовность ко всему. Импровизация у Германна ничего общего не имеет с легкомыслием. Он не из любителей действовать на авось.

— Если бы эта работа была опасной для жизни, я бы этим не занимался.

— Значит, не рисковать? Не увеличивать скорость? Высоту падения? Опасность, эффект?..

— Четкой границы между опасным и безопасным, разумеется, нет. И быть не может. Безопасность всегда относительна, и степень риска достаточно высока. Конечно, в нашем деле нельзя без склонности к авантюризму...

— И потом,— вставляет Дирк Хиллер, техник (Германн работает с ним уже шесть лет),— если человек, скажем, моет окна на высоте седьмого этажа, с ним ведь тоже может случиться большая неприятность! Если не уметь делать свое дело как следует...

Мастерство, профессиональный класс — вот к чему стремятся каскадеры «фирмы Германн Йоха и К°». Главное, чего они боятся — и боятся панически! — поставить под удар репутацию своей фирмы — надежного исполнителя трюков. Только бы не выглядеть любителями! Не скатиться до уровня толкущихся повсюду «трюкачей», готовых за сто марок на все: драться, прыгать из окон, падать с лошади, с крыши вагона или автомобиля — чтобы потом с переломанными костями валяться в больницах...

— Если работать, как мы работаем, то в крайнем случае можно получить одну-другую контузию,— говорит Хиллер.

Можно ли в это поверить?..

Хиллеру двадцать восемь лет. По

специальности — сварщик. Кроме того, классный механик. Это позволяет ему изобретать новые и новые конструкции, чтобы трюк выглядел как можно более натуральным, а степень риска становилась меньше.

До того, как трюк «созреет» для съемок, Дирк и Германн проделывают массу бумажной работы. Их бюро находится в Дюссельдорфе. Здесь мы и встретились вновь через несколько дней после съемок в Гамбурге.

Тихий переулок. Квартира в новом доме переоборудована под бюро: светлые комнаты, простая белая мебель, компьютер и телефоны — целая батарея телефонов.

Сидя вот так, за письменным столом, Германн вполне мог бы сойти за шефа какой-нибудь рекламной конторы. Не хватает только «добротного костюма» (серого, двубортного, в узкую полоску), и, пожалуй, чересчур накачаны мускулы под засученными рукавами клетчатой рубашки.

Появляется Дирк, он несет пирожные. Хиллер и две секретарши — постоянные сотрудники фирмы. Остальных Йоха нанимает, когда получен конкретный заказ. Он подчеркивает:

— Я ищу для каждого нового дела подходящих специалистов, таких людей, в чьей квалификации я абсолютно уверен. Я должен знать: на этого человека я могу положиться, как на себя.

Включается видеомагнитофон. Мы еще раз просматриваем эпизод «гибель «ягуара». Германн и Дирк всегда стараются снять весь трюк на пленку. Если это по каким-то причинам невозможно, то непременно покупают у заказчика копию отснятого материала. Пленка нужна не только для критического анализа своей работы — хотя и для этого тоже. Но сверх того: компаньонов интересует сама работа оператора. У Германна есть план — создать еще одну фирму, чтобы снимать свои трюки самостоятельно, независимо от киношников или телекомпаний. Так уже делают во Франции и в Соединенных Штатах.

Я смотрю видеозапись. В жизни был лишь краткий миг — столкновение, взрыв, огонь... На экране, под лупой замедления, мгновение стало крупней, отчетливей и длится бесконечно... Вот «ягуар» наезжает правым колесом на раму, она специально прикреплена к переду грузовика. Первый взрыв. Рама срывается. «Ягуар» кувыркается в воздухе — он переворачивается трижды. Следуют новые взрывы. Машина тычется носом в дорогу, подпрыгивает, обрушивается на задний бампер, встает «на попа», хлопается на крышу и боком сползает на придорожный газон. Автомобиль охвачен пламенем, в воздухе летают обломки... Все.

Если бы такое случилось в жизни, то человек в автомобиле, конечно, был бы обречен. Германн, разумеется, тоже рискует. Но его «ягуар» был соответственно подготовлен. Внутри машины устроили хитроумную предохранительную клетку, а чтобы уберечь каскадера от осколков лобового стекла, его сиденье отодвинуто как можно дальше к багажнику. Дирк удлинил в автомобиле все педали и руль, смастерил целую систему предохранительных ремней. Взрывы Германн тоже производил сам: для этого у него под рукой были специальные выключатели. Ну и одежда — жаростойкий комбинезон, шлем.

Перед съемкой Германн тренировался в полностью готовой машине около двух часов. Старт, заваливание назад, включение взрывателей и, главное,— руки прочь от руля! Когда-то он судорожно вцепился во время трюка в руль, и в результате — перелом плеча. Самая серьезная травма на сегодняшний день.

— Конечно, такой эпизод — в некотором роде встряска! — говорит Германн Йоха.— При такой работе надо держать себя в форме.

Подъем в шесть утра. Гимнастика, игра в мяч, подъем тяжестей. Он пробегает в неделю в среднем двадцать-тридцать километров. Его хобби: мотокросс и лодочные гонки по горному потоку (бр-р-р!). Есть, правда, и одно безобидное увлечение: он любит запускать воздушных змеев. Все это — ради поддержания спортивной формы?..

Если подготовка к будущему фильму проходит нормально, фирма имеет на создание одного трюка около полугода. Обычная процедура такова:

в литературном сценарии фильма сказано нечто невразумительное об «эффектной автокатастрофе». Германн и Дирк делают первые наброски, знакомятся с местом съемок на натуре, хорошенько расспрашивают режиссера: каким ему видится эпизод? И трюк обретает «общие контуры». В компьютер закладываются данные и вычисляются оптимальные величины: скорость, скажем, или угол крепления рамы. В режиссерском сценарии четко фиксируются все фазы будущей аварии. Уточняют точки, откуда будет вестись съемка. Ведь в конце-то концов дело не в том, чтобы трюк удался, а в том, чтоб он был хорош на пленке.

Чтобы наглядно продемонстрировать заказчику свою идею, каскадеры берут в руки маленькие автомобильные модели (этих игрушек в бюро у Йохи предостаточно), и, словно в детской игре, затея оживает: автомобильчики в руках взрослых мальчишек стремительно сталкиваются, падают, кувыркаясь, срываются вниз — и остаются невредимы. Сказка с непременно счастливым концом!..

Наступает момент, когда пора переходить от игры к работе. Дирк раздобывает настоящие автомобили и принимается их потрошить. Во дворе его маленького дома в Дюссельдорфе есть мастерская в сарайчике. Есть у него и еще одна мастерская, на колесах: он оборудовал всем необходимым свой грузовичок-одиннадцатитонку. Бывали случаи, когда ремонт надо провести прямо по ходу съемок; однажды пришлось полностью сменить «начинку» готового к съемкам автомобиля — в работе, как в жизни, не обходится без неожиданностей.

За несколько дней до срока товарищи выезжают на место с подготовленной машиной и все как следует проверяют. Некоторые трюки — такие, например, как занос машины,— можно повторять еще и еще, ну а такая сцена, как снималась под Гамбургом, должна пройти без сучка и задоринки — не снимешь ведь несколько дублей!

Около тридцати тысяч марок получил Германн Йоха за «ягуара» всмятку». Из этих денег — гонорары сотрудникам, оплата гостиницы, автомобилей, страховка и пр. Короче — не густо. Пока еще Йоха не может прожить исключительно на свои каскадерские заработки. Дополнительно он занимается торговлей автомобилями, ведет курсы автовождения в сложных условиях, организует фестивали «Рок-мото» — нечто среднее между каскадерским шоу и рок-концертом.

В семнадцать лет Германн Йоха ушел из своей родной деревни. Мечтал уехать в Америку. Но за океан не попал: не хватило денег. Попал в Англию. Встретился с труппой автокаскадеров «Адские водители», которым был нужен... продавец сосисок. Очень скоро Германн добился разрешения сесть за руль, и оказалось, что с автомобилями он справляется не хуже, чем с сосисками. Так он стал полноправным членом труппы. Три года они разъезжали по стране, а потом и по континенту. Германн учился головокружительным акробатическим номерам. Поставил и первые свои «автокатастрофы». Но в Дюссельдорфе труппа «Адские водители» распалась — работы не было.

Германн зарабатывал на жизнь чем придется. Не брезговал никакой работой. Но вот в 1982 году он познакомился с режиссером Гюнтером Мюнхом. Рассказал ему о своих необычных умениях — и тот пригласил его показаться на телевидении. Сначала Германн должен был рекламировать гарантийные ремни безопасности. Он проделал это так лихо, что путь в кинокаскадеры был открыт. И Германн Йоха пошел по нему.

— А когда каскадеры уходят на пенсию?

— Не знаю, не интересовался... Наверно, лет в тридцать пять — сорок.

— А что же потом?

— Я бы хотел к этому времени уже иметь и вторую фирму, чтобы снимать трюки. Есть еще одна мысль: хочу попробовать себя в гонках на экскурсионных туристических автобусах — должно быть, здорово интересно.

Да... Не кажется вам, что прав был человек, который впервые сказал: судьба — это характер?

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

Роджер АНДЕРЕГГ,
западногерманский журналист

О Лас-Вентас они говорят почти шепотом. Эта самая большая арена Испании служит для знатоков и любителей боя быков чем-то вроде храма корриды.

Но в этот вечер ничто не предвещает благоговения и волнения. Свистом и гвалтом публика встречает 530-килограммового быка Десграсиадо, который не выбегает, а, спотыкаясь, бредет по арене. Бык прихрамывает.

Уже при первых движениях матадора бык падает на передние ноги. Ободряющие крики. Овация. «Фуера,— орет мой сосед.— Убрать его. Этот бык не годится для боя».

Простоял бы он в нерешительности, промедлил и, вероятно, выбыл бы из игры. Но вместо этого он неожиданно мощно атакует лошадь пикадора, защищенную специальными матами. За это тут же следует возмездие, которое является ритуальным обычаем корриды: пикадор трижды всаживает стальные пики в плечо Десграсиадо. Дрожащие бока быка краснеют. Зрители затаили дыхание.

В ярости бык бросается на бандерильеро, который во всей красе появляется перед ним и завлекает его криками. Он быстр и ловок. Трижды всаживает он в шею быка пики-бандерильи [1] и спасается за дощатой перегородкой. Раздаются бурные аплодисменты, публика довольна, успокаивается, но ненадолго, снова бурно откликается на происходящее, аплодирует и кричит.

А перед Десграсиадо стоит матадор Виктор Мендес, и кажется, что он такой же неудачник, как и бык, который не хочет вступать с ним в бой. С поникшим видом он смотрит на ложу президента корриды, который должен подать специальный знак. Зеленый платок над балюстрадой означает прекращение боя. Но он так и не появляется. Среди 18 тысяч зрителей равнодушных нет.

Виктор Мендес заставляет быка принять вызов, достает шпагу и готовится к удару. Красной мулетой в левой руке матадор дразнит быка, а шпагой в вытянутой правой он атакует его. Это кульминационный момент в корриде. Бык поднимает голову — и шпага отскакивает от его мускулистого тела. Свист.

«Этот бык вызывает только сочувствие, он не способен сражаться на арене»,— говорит мне сосед Хосе де ла Кал Сигура. Семидесятичетырехлетний старик знает толк в деле. Более тридцати лет он выступал на аренах страны, сначала в качестве матадора, затем бандерильеро. На его счету 1800 коррид, где он убил приблизительно две тысячи быков. В своем засаленном бумажнике он бережно хранит сокровища своих воспоминаний: фотографии, сделанные на корридах 1932 года в Барселоне и 1941 года в Сеговии.

А на арене — невезучий Десграсиадо, который по-прежнему не намерен сдавать своих позиций. Теперь он уже отполз к краю арены, и Мендес дразнит его мулетой и готовится к новой атаке. Десграсиадо делает два неуверенных шага. И вот матадор уже перед ним. Он всаживает в лопатку быка шпагу до рукоятки. Аплодисменты.

Тут же появляются тореро и отвлекают своими плащами смертельно раненного зверя. Десграсиадо крутит головой то влево, то вправо и снова влево. Для новой атаки у него нет больше сил. Он сломлен, изо рта струится кровь.

И все-таки он жив. Тореро — в нерешительности. Но вот Мендес берет в руку короткую шпагу и наносит быку смертельный удар. Бык, как поражен-

ный молнией, опрокидывается набок. Аплодисменты.

Уже появилась упряжка лошадей и с дребезжащим звоном с арены увозят бездыханное тело. А на бойне, находящейся на территории арены Лас-Вентас, уже поджидают восемь мясников, которые быстрыми натренированными движениями разделывают тушу.

Среди публики сидит Хуан Карлос — король Испании. Несмотря на 34-градусную жару, он в безупречном, застегнутом на все пуговицы костюме. Он довольно часто появляется здесь со своими друзьями, не предупреждая заранее устроителей корриды. Хуан Карлос скорее яростный болельщик, нежели знаток тавромахии[2]. В королевском доме бой быков не обсуждается, так как королева София (а она родом из Греции) ненавидит «национальное зрелище смерти», как назвал корриду поэт Федерико Гарсиа Лорка. «Бой быков — неотъемлемая составная часть нашей культуры и нашей традиции, так что вопрос об его отмене не подлежит обсуждению»,— публично заявил Хуан Карлос в мае 1987 года.

Игры и бои быков имеют древнюю историю. Самые старые художественные изображения дошли до нас с острова Крит. В Испании этот обычай связан с древним религиозным культом. Быка считали символом плодородия. Жених, ранивший быка, как бы перенимал у зверя его сексуальную потенцию.

В средние века в корриде могли участвовать лишь знатные сеньоры. Сидя на лошади, они копьем вели бой с быками. Из всех этих ритуалов в XVIII веке сформировалась коррида в той форме, в которой мы видим ее сегодня. Это театрализованное представление-спектакль простонародья; это архаическая мистерия, в которой носитель высшего разума борется с воплощением дьявола; это сведение счетов с грубой животной силой, и, наконец, это таинство, во время которого мощь животного, по народному поверью, переходит к его победителю.

Большой любитель и знаток коррид Эрнест Хемингуэй видел в бое быков возрождение язычества и, несмотря на свое восхищение, знал, что коррида, с точки зрения современной морали, изжила себя. Хотя и по сегодняшний день бой быков в Испании называют «Fiesta nacional». Но восхищение этим кровавым национальным праздником в последние годы пошло на убыль. Однако по результатам опроса 1986 года 60 процентов испанцев высказались за сохранение боя быков как народного развлечения. В то время как большинство мужчин и женщин в возрасте тридцати-сорока лет не интересуются корридой, молодежь из богатых испанских семей заново открыла для себя бой быков как вид национального театра. Король Хуан Карлос, присутствуя на корриде, сидя на своей кожаной подушке, знает, что за ним большинство нации.

«Ну уж нет, спасибо»,— говорит 27-летняя Мария Луиза Мартинес, которая не хочет относиться к этому большинству. «Мне стыдно за мою страну»,— говорит она, когда узнает, что король Хуан Карлос присутствовал вчера на корриде.

Мария Луиза — член правления общества охраны животных, которое требует отмены боя быков. «Жестокость не может быть ни искусством, ни культурой» — это подпись к плакату организации, на котором изображены потоки крови, текущие с арены.

Мы встречаемся с Марией Луизой на ее рабочем месте вблизи станции метро, откуда в марте прошлого года двадцать активистов общества отправились в храм корриды Лас-Вентас и привязали себя там к решетке входных ворот. Таким образом они выразили свой протест, но были избиты фанатиками боя быков. После этого члены организации получили анонимные посылки с двумя певчими птицами, у которых были свернуты шеи. «Это было предупреждение мафии, выступающей в защиту боя быков»,— считает Мария Луиза. Пятьсот сторонников привлекла на свою сторону организация во время последней акции протеста. Однако это довольно скромный результат для трехмиллионного города. «Люди безразличны. Если кто-то не ходит на корриду — это еще не значит, что он ее противник»,— замечает Мария Луиза. В будущем организация защиты животных намерена выступать против того, что государство предоставляет дотации корридам и аренам, за более разумное использование свободного времени в деревнях, за строгое соблюдение закона о недопущении детей до четырнадцати лет на корриду, который в последнее время не очень-то и соблюдается.

В Испании нет специальных законов в защиту животных, на которые могла бы опираться организация в своей деятельности. Несмотря на это, Мария Луиза настроена оптимистически. В 1992 году в Севилье состоится всемирная выставка, а в Барселоне — Олимпиада. Взоры всего мира будут направлены на Испанию. «И тогда,— надеется Мария Луиза,— мы сможем избавиться от коррид».

Но эти слова Марии Луизы совсем не пугают Валентина Муньеса, управляющего ганадерией[3] в Конча-Наварро. «Испания без корриды? — спрашивает он недоверчиво.— Невозможно представить!» Вместе с Валентином Муньесом на его «джипе» мы трясемся по пастбищам. Под черно-синим небом на четырех сотнях гектаров пасутся около 500 коров и быков. За четыре года пребывания на ферме бык наедает приблизительно 500 килограммов веса. Такой бык стоит около миллиона песет (двенадцать тысяч франков). Только в этом сезоне ферма Конча-Наварро поставила на арены Испании 24 быка. На столько же быков уже заключен контракт.

При таком объеме выпуска продукции эта ферма относится к самым маленьким ганадериям. Каждый год 24 тысячи быков умирают на аренах Испании на четырех тысячах коррид. Во время одной корриды три матадора убивают, как правило, по два быка.

В стаде бык ведет себя спокойно. Только когда он один, он может напасть. И моя красная футболка не выводит его из себя. Быки не различают цветов.

После осмотра фермы — знакомство с тореро. Мы встречаемся с Лусио Сандино в рабочем квартале Мадрида. Мы видели его на корриде в Лас-Вентас. Он был самым молодым (ему 23 года), самым неопытным из трех матадоров, но, несмотря на это, заслужил восторженные аплодисменты. Те приемы тавромахии, которые он продемонстрировал с быком Вуенхумор, привели публику в полный восторг. «Оле!» — неистовствовали трибуны. Когда Лусио покинул арену, его окружили подростки, умоляющие об автографе.

Лусио — приятной внешности молодой человек, интеллигентный и общительный. Он часто смеется, при этом улыбка его приятная, открытая и выразительная. Но я не могу отвести взгляд от его правого глаза. Он всегда смотрит в одном направлении и как-то мимо меня. Он говорит, что любит быков и не может понять, почему мы в этом сомневаемся. «Я знаю, что вы, европейцы, имеете другие представления,— соглашается он.— Но когда я приезжаю в другую страну, я пытаюсь вникнуть в культуру этой страны, только тогда я начинаю ее понимать».

Я снова гляжу на его правый глаз. Он по-прежнему смотрит мимо меня.

Это стеклянный глаз. Свой правый глаз он потерял в 1983 году во время корриды в Севилье. Тогда он был еще только кандидатом в матадоры.

С начала века около 20 известных матадоров сложили свои головы на арене, и более ста безызвестных погибли во время деревенских праздников. В 1984 году бык всадил свой рог в бедро Франсиско Ривера. Матадор погиб от сердечного приступа по дороге в больницу. А в 1985 году смертельно раненный бык попал рогом прямо в сердце матадора Хосе Куберо. Он был близким другом Лусио Сандино и погиб в возрасте 21 года.

В то время как камердинер в номере отеля заплетает Лусио косичку — символ матадора,— боевые быки томятся в узких стойлах, где теснота и темнота пробуждают в них злобу и агрессивность.

Тринадцать тысяч мест «пласа де торос»[4] в Кастеллон де ла План больше чем наполовину заполнены любителями ночных коррид. В отличие от Лас-Вентас здесь все знают друг друга. Перебрасываются острыми шуточками.

Это настроение передалось и мне.

Мне нравится, когда собравшийся с силами бык выбегает на арену, показывая всем своим видом, что не потерпит чьего-либо присутствия на собственном пути. Матадор, прекрасно маневрируя, подкарауливает быка и дразнит его своим плащом, выполняя при этом различные фигуры. И я ненавижу неуклюжих пикадоров, которые втыкают свои пики в загривок быка до тех пор, пока не потечет кровь. Я вижу, что бандерильеро работают ловко и смело, но вместе с тем я вижу, что эта ловкая и смелая работа направлена на то, чтобы причинить зверю как можно больше страданий.

Далее мы отправляемся в Национальную школу тавромахии в Мадриде. Эта самая популярная в стране школа, готовящая тореро. Школа и маленькая арена при ней расположены в Каса де Кампо, в самом большом парке отдыха Мадрида.

Сто тридцать учеников в возрасте от девяти до двадцати лет изучают здесь вместе с общеобразовательными предметами приемы тавромахии. Одиннадцатилетний Иван изображает быка, подставляя к своей голове бычьи рога. «Я прихожу сюда каждый день,— говорит он.— Я хочу стать великим матадором». Иван происходит, как и многие подрастающие тореро, из бедных слоев. Таких, как он, магически притягивает образ матадора, окруженный сиянием и поклонением. В стране 20 процентов безработных, и у них очень мало шансов пробиться наверх.

Двадцатидвухлетняя Сесилия из Памплоны подкарауливает Ивана с плащом. Она сейчас единственная девушка в этой школе, но не первый матадор женского пола. Время от времени и женщины овладевают этой профессией.

Длительность обучения зависит от желания и таланта учащихся. «За два-три года решается, из кого действительно получится хороший матадор»,— говорит Мануэль Мартинес. Ему шестьдесят два года, он старый знаток тавромахии и страстный любитель корриды. Сначала он был адвокатом, затем стал критиком, специализировавшимся на корридах. Пятнадцать из самых известных сейчас матадоров закончили эту школу. Известный идол Хосеито учился здесь, а также Куберо, который в десять лет поступил в школу, в семнадцать — стал матадором, а в двадцать один — погиб.

По регламенту коррида длится не более двадцати минут, потому что через полчаса боя зверь начал бы понимать, что он что-то делает неправильно, что он должен нападать не на плащ и не на приманку, а на человека, который стоит за всем этим. Тогда начался бы поединок, в котором матадор едва ли бы имел шанс на успех.

Наша третья коррида. Мигель Ваес «Литри» (19 лет) и Рафи Камино (18 лет) выступают в Лас-Вентас. Оба элегантны, оба сыновья знаменитых матадоров, которые уже вышли из игры. Оба они еще только начинающие тореро, а новички должны быть отважными, идти на любой риск. Им необходимо обратить на себя внимание, чтобы как можно быстрее из рядовых тореро перейти в матадоры.

«Литри» принял стойку перед быком и дразнит его движениями мулеты. Бык бросается вперед, но «Литри» обводит его вокруг себя. «Оле!» — вопль восторга и одобрения 23 тысяч зрителей. «Литри» поворачивается на 180 градусов. Бык уже несется на него. «Оле!» — неистовствуют трибуны. Еще раз! Голубые и белые бандерильи. Багряные мулеты. Розовая одежда. Все краски смешались в одну пеструю картину. «Оле!» Кровь на боках быка. Черная шкура. Пыль арены и дым сигар.

«Литри» падает на колени. Двадцать три тысячи зрителей затаили дыхание. Рывок мулеты. Бык наступает. «Литри» обводит его вокруг себя. В единый хор сливается «Оле!». И снова бык приближается. Кровь и пот, сладкий запах дезодоранта. И еще раз! Необузданная сила вся вложена в движение плаща. Люди вскакивают со своих мест. «Оле!» — звучит одновременно тысячами голосов. Топот, кровь, пыль. Снова и снова!

Я тоже вскочил. До меня дошло, чем это может кончиться. Сила, власть, краски. Эрнест Хемингуэй и Федерико Гарсиа Лорка. Одинокий тореро и коллективная воля трибун.

Внезапно оглушающий вопль ужаса 23-тысячной толпы. Поднимаясь, «Литри» споткнулся. Бык совсем рядом. Рогами отбрасывает его в сторону. И тут же — опять над ним: забивает его рогами. Тореро спешат со своими плащами на помощь.

Через две минуты «Литри» уже стоит с обнаженной шпагой перед быком. Он, видимо, не ранен. Стоит босиком, туфли он потерял. Он играет с судьбой не на шутку, убегает, бык преследует его. Но «Литри» не удается нанести удар между лопатками быка, попасть в его смертельную точку. Силы на исходе. Он вонзает шпагу в бок быка. Кровь из раны бьет ключом, теплая темно-красная кровь. «Литри» делает новую попытку. Его одежда разорвана. Он снова не может убить быка. Новая рана. Новая кровь.

Бой быков вошел в кровь и плоть испанцев. Я знаю об этом. Это часть испанской культуры. Конечно. Знатоки тавромахии считают корриду искусством.

Но мой желудок не хочет и знать об этом. Меня вдруг тошнит.

Перевела с немецкого
Е. КЛИМАНТОВА

[1] *70-сантиметровые шесты со стальными крючками.*
[2] *Искусство корриды.*
[3] *Ферма, поставляющая боевых быков.*
[4] *Стадион для корриды.*

Для Великобритании эти конкурсы стали уже традиционными — конкурсы юных поэтов, и каждый посвящен определенной теме. Тема данного конкурса — «Планета Земля», и, как сказала один из членов жюри, известная английская поэтесса Дженни Хаукер: «Тема поистине безгранична, и воплотить ее в рамках поэтического состязания очень трудно. Мы получили работы, посвященные таким глобальным проблемам, как загрязнение окружающей среды, тому, что сегодня происходит в мире. Мы получили стихи о том, что каждый день видит на своей земле каждый из нас, но только настоящий поэт может увидеть поэзию в обыденном, а это были стихи, наблюдения настоящих поэтов. Но что более всего поразило нас, членов жюри,— молодые поэты продемонстрировали потрясающее чувство понимания того, что Земля — их общий дом, и они глубоко озабочены тем, что может случиться с этим домом». (Кстати, сборник стихотворений участников конкурса выпущен в одном из крупных британских издательств.)

Мы публикуем стихи победителей конкурса — Кэйти Дэниел, 17 лет, Софи Бензинг, 13 лет, и Кэролайн Ребекки Мерфи, 10 лет, и объявляем свой КОНКУРС — конкурс молодых переводчиков английской поэзии. Надо сказать, что наше жюри тоже довольно представительное, в него вошли: крупнейший специалист по англо-американской литературе, доктор филологических наук А. М. Зверев, критик и переводчик, кандидат филологических наук С. Б. Белов, известный поэт-переводчик Р. М. Дубровкин. Условия следующие: конверты с работами (с пометкой «На конкурс») отправлять не позднее 1 июня, чтобы в конце года мы могли опубликовать лучшие переводы и определить призеров.

На фото: победители конкурса (слева направо) Софи Бензинг, Кэйти Дэниел, Кэролайн Ребекка Мерфи.

МОЛОДЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ:

Katy Daniel

BUFFALO MEN

Stronger than carthorses
their massive paws
Hulk a hundredweight
of potatoes,
These farmers built
like buffalos.
They roll their calf eyes
and pat their stout guts,
These great carcasses of men
who stride
In wellies made like
tractor tyres.

My blood is the red earth
they plant their carrots in.
My roots are ploughed
by their harvesters.
These farmers are my ancestors.
The straining wind
and itchy woolens
Turn their hides
tandoori red,
These big bears with hats
rammed on their heads
Who stomp as if through
dung or cabbages
And talk like cows
chew the cud —
These giant farmers
caked in mud.

The mud, my blood,
the red, red earth.
My roots chewed by their
harvesters.
Farmers, farmers.
My ancestors.

Their biceps of beef
fork hay to the sky,
Then shake out their
earnings from coffee jars
To sit cider-barrel rumps
at bars.
Oh where grated red
cliffs sink the sunset
And the rooted sea slops
liquid gold,
They're men, true men,
these buffalos.

Sophie Benzing

THE EARTH AWAITS US

He was a man
Down to earth,
Free and alone,
Not lonely,
Independent.
Always ready for us.

He was my teacher.
He wasn't old.
He died in school
And nobody saved him.

He was a man I will
always remember,
Kind and clever.
For good homework
he would draw
In our exercise books,
little pictures
to please us.

At breaktime
in the classroom
He smoked his pipe
at his desk.
At Christmas I gave him
A small tin of
Old Holborn.

That year we won the cups
For football and netball.
After the match we went
to his house,
«The best school teams
in the county» he told us.

We raised money for
Ethiopia rollerskating.
Our class broke
the record.
Our pictures
were in the paper,
The only one I've got
of him.

He loved his family
and his garden.
Weekends he dug the earth.
He talked to us
about his flowers
And shared memories
of places.

One day he drew
in a circle
on the blackboard
A dancer turning
on a moving dais
To music from «Coppélia».
We'd been by coach
to see the matinée.

After he died
we left the picture
On the board for days.

He died in the school
play dancing,
Laughing and dancing.

We planted a tree
in the earth
In the school field
where we can see it
So he would always
be part of our lives.
We will always remember
him.

They buried him
in the earth
By the old churchyard.
The earth is free
and alone,
Not lonely,
Independent,
Always ready for us.

Caroline Rebecca Murphy

PLANET EARTH

Along The Long Mynd
crept, slowly, quietly,
My dog and I
and the ghostly Roman
legionaries.
I stopped at an old
Celtic fort,
felt like I was
betraying my people.
The dog whimpered,
On we went.
There were few sloes.
My hands stained
deep purple, aching.
I had nothing
but the dog
to help me struggle on,
Like the maid who
in her stiff Victorian
clothes
had cried for food
while picking sloes.
A terrifying bird
swooped down,
its shadow almost
knocking me over,
a hang glider.

In the next field
we threw ourselves down,
in the deep green grass
scattered with flowers.
I rolled as far
as I could, danced, sang
and laughed.
The earth was old,
but I was still young.

В мае прошлого года в Ленинграде проходил необыкновенный фестиваль. Необыкновенным он был не потому, что был первым. Два подобных фестиваля уже состоялись в СССР, однако музыка, которая на них исполнялась, все еще не очень хорошо знакома нашим слушателям. Сказывается, наверное, и издавна внедренное в сознание недоверие «ко всяким формалистам и авангардистам», и действительно поначалу отпугивающая непривыкший слух необычность музыки. Но традиция свободного восприятия нового уже возникла — об этом говорит обилие публики на концертах, которые проходили в десяти ленинградских концертных залах, об этом говорит то, что на встречу с советской публикой приехали композиторы из Японии и Финляндии, ГДР и Италии, Франции, США, Туниса, Австралии, многих других стран. Вместе с советскими коллегами свои работы представляли композиторы разных поколений — и старейшина современной музыки американский композитор Джон Кейдж, автор знаменитой «беззвучной» пьесы «4 минуты 33 секунды», и англичанин Эндрю Ллойд Уэббер, автор рок-оперы «Иисус Христос-Суперзвезда» и многие, многие другие.

В этом номере мы представляем вам одного из участников фестиваля.

(Вместо отчета с III Международного фестиваля современной музыки в Ленинграде)

На сцене священнодействовали барабанщики. Их было шестеро. Затянутые в черные трико, элегантные и чопорные, как цирковые иллюзионисты, они двигались в обход своих инструментов. На мгновение гибкие черные фигуры замирали и, подчиняясь команде магистра, принимались из всех сил колотить в барабаны, греметь железом, крутить какие-то трещотки. Очкастый начальник барабанщиков набросился на маленькие красные бочонки, из которых, как орешки, выскочили очень смешные непоседливые звуки и весело рассыпались по всей сцене. Главный барабанщик остался доволен произведенным эффектом и в считанные мгновения засыпал этими звуками весь зал. Потом он сердито сверкнул очками на своих помощников, и они, как на карусели, помчались дальше, осыпая ударами попадающиеся на пути деревяшки и железки.

Пока на сцене гремели и скрежетали, хиппи в последнем ряду партера возился со своей холщовой сумкой. Когда стало сравнительно тихо — на сцене ударный подмастерье мрачно охаживал палкой распятый в деревянном подрамнике кусок жести, а его коллеги с просветленными лицами взирали на происходящее,— хиппи извлек из торбы флейту и пронзительно свистнул. В предпоследнем ряду заворочались и осуждающе обернулись. Хиппи подождал, пока недовольные успокоятся, и свистнул еще раз. На этот раз к нему повернулся человек в строгом сером костюме, на лацкане прекрасно сшитого пиджака — значок «Участник». «Молодой человек...»,— начал обладатель пиджака, но хиппи бесцеремонно оборвал его: «Потом, потом, вы мне мешаете», и выдавил из дудки гнусавую трель. «Скажите, а как вы узнаете, когда вступать, я не вижу у вас партитуры»,— заинтересовался серый пиджак. Хиппи снисходительно улыбнулся: «Я три месяца репетировал эту вещь, еще бы мне не знать!» — и так дунул в мундштук, что «Участник» чуть не слетел со своего сиденья.

В финале барабанщики словно задались целью покончить со своим реквизитом и устроили такой грохот, что дудочка хиппи растворилась в нем. Но стихло эхо литавров, и в паузе, отделяющей музыку от аплодисментов, раздался тонкий, срывающийся свист; увидев, что взгляды зрителей прикованы к нему, хиппи закрыл глаза, изобразил на лице немыслимый восторг и, словно теряя сознание от наслаждения музыкальным шедевром, рухнул в проход. Шум падающего тела оказался столь эффектным, что барабанщики отсалютовали своему оппоненту чем-то железным.

Настала очередь аплодисментов. Автор музыки, австрийский композитор Рене Клеменчич, поднялся на сцену, обнял барабанщиков ансамбля Марка Пекарского, раскланялся и сделал недвусмысленный жест в сторону последнего ряда,— уже поднявшийся на ноги хиппи приложил руки к груди и с достоинством поклонился маэстро.

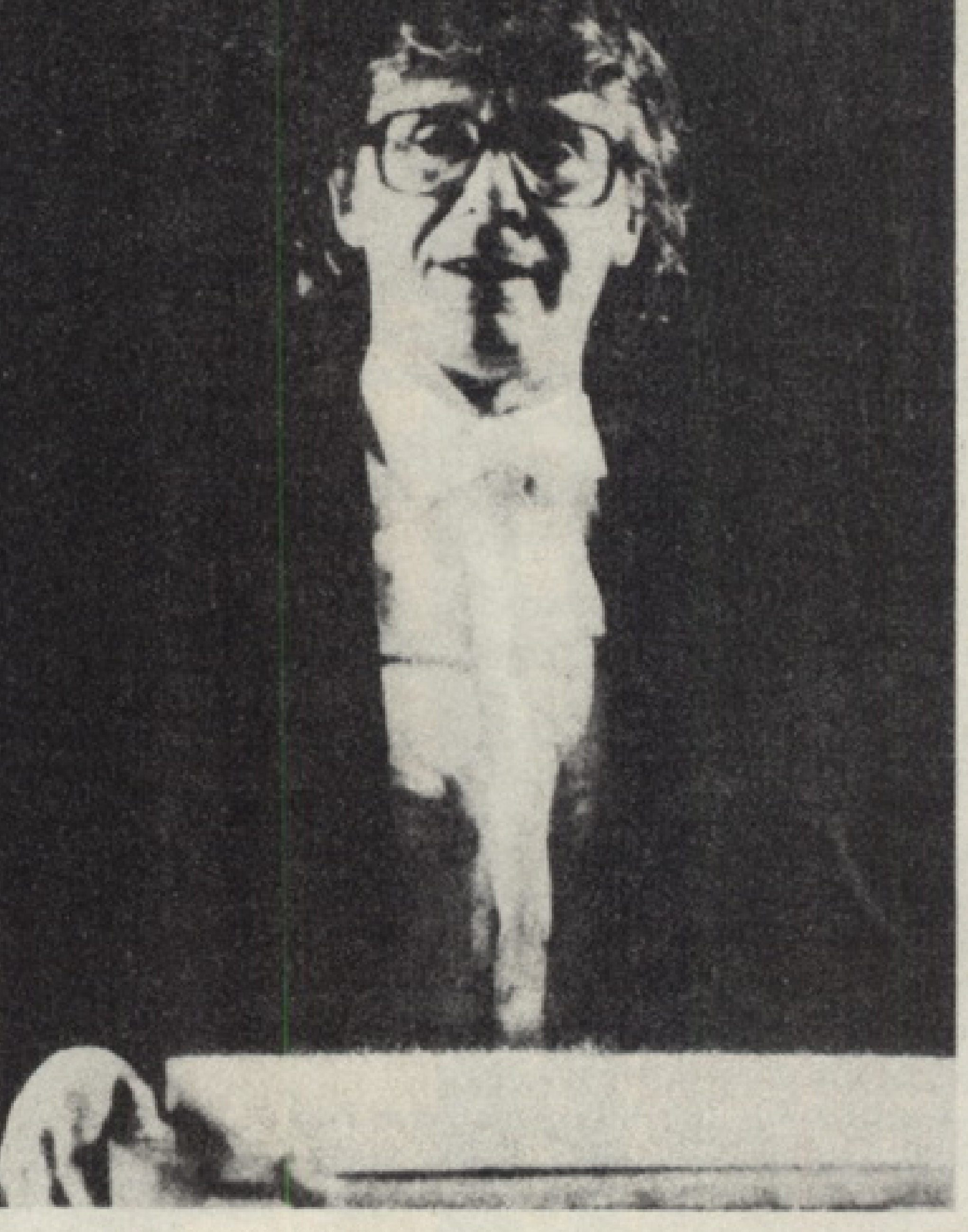
Когда в перерыве я подошел к Клеменчичу и спросил, как он относится к таким незапланированным импровизациям, он засмеялся: «Это прекрасно! Я хочу, чтобы на моих концертах люди чувствовали себя свободно, и если моя музыка вызывает у слушателей желание участвовать в ней, я это только приветствую».

При словах «серьезная музыка» большинство людей старшего поколения одобрительно кивает головой — как же, знаю, это классика... ну, спокойная музыка. По той же самой причине молодые люди скептически поджимают губы. И если сказать, что серьезная современная музыка и рок — суть одно и то же, то удивятся все, может быть, даже композиторы, которые ее пишут.

Удивился и Клеменчич: «Ну почему же рок? Вот, например, моя вещь, которая только что исполнялась, «Экстазы»,— это музыка для ударных, поток музыкального сознания, а рок... в конце концов я совсем его не знаю, но то, что звучит по радио, такая чепуха, что и музыкой-то назвать трудно». Вообще-то он прав: по радио передают, как правило, «коммерческий» рок, но Рене Клеменчич пишет-то как раз самую настоящую рок-музыку, точнее — ту ее разновидность, которую у нас называют «завернутым авангардом», и успех ее у молодежи можно смело гарантировать.

Надо же, снова удивился Клеменчич и погнал по тротуару камешек; вышедшие на работу степенные ленинградские фарцовщики шарахались от Рене как от зачумленного и подозрительно косились на его старомодные ботинки,— австрийский композитор налетел на прохожего, и футбольная атака захлебнулась. Рене повернулся ко мне, сквозь качающееся отражение Невского проспекта в стеклах его очков улыбались веселые глаза.

Рене Клеменчич свободно говорит по-английски, столь же бегло по-итальянски, родной язык — немецкий, а поскольку он учился в Сорбонне, французским Рене владеет так же свободно, как и всеми остальными. Его предки — выходцы из Польши, Словении, Моравии, но славянские языки, как говорит Клеменчич, для него загадка, на которую пока нет времени. Увлечение

музыкой началось еще в детстве, отец прекрасно играл на мандолине, мать профессионально музицировала на фортепиано, и поступление в Венскую консерваторию было вполне логичным. Правда, потом — Сорбонна, причем факультет философии, но «музыка сама по себе категория философская», говорит Рене, и, по его убеждению, музыкант обязан быть философом, а если ты профессионал, то и философию надо изучать профессионально. С этим можно спорить, но Клеменчич защитил докторскую диссертацию на стыке музыковедения и философии, доказав по крайней мере самому себе, что идет по верному пути.

Композитором он стал не сразу и, в общем-то, даже вопреки логике: вначале пришла слава исполнителя-виртуоза на блок-флейте. Клеменчич долгое время совмещал интерес к старинной музыке с увлечением музыкальным авангардом, и из этой комбинации родился «Консорт Рене Клеменчича» — братство музыкантов, в равной степени специализирующихся на музыке барокко, ренессанса, средневековой музыке и авангардной. Постепенно собственные идеи стали вступать в противоречие с канонами музыкального искусства — так родился Клеменчич-композитор, первые произведения которого бросали вызов учению о гармонии. Как обычно происходит в таких случаях, ортодоксы приготовили каменья, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы не мировая слава Клеменчича-флейтиста.

Пока нельзя сказать, что его композиторская слава затмила славу исполнителя, но Рене верит, что это обязательно произойдет, и для такой убежденности есть все основания: произведения Клеменчича вызывают споры музыковедов, они исполняются во всем мире, его музыка привлекает кинематографистов, а концерты «консорта» проходят с триумфом даже в Южной Америке, и это показатель, поскольку пробиться в сознание слушателей сквозь впитанные с молоком матери музыкальные традиции этого континента очень трудно.

«Современная музыка — определение слишком расплывчатое, в конечном итоге это музыка, которую пишут наши современники, когда-то и фуги Баха были современной музыкой. Но станет ли сегодняшняя музыка классикой — вот это вопрос. По сравнению с музыкой прошлого сейчас несколько изменился подход композиторов. Если раньше значительность музыкального произведения определялась его целостностью, безукоризненностью композиции, то сейчас на первое место выходит собственно композиторская мысль, его ассоциации, неважно, в какой форме они представлены. Это как архитектура: дом может быть очень красивым, но жить в нем неудобно, поэтому точки зрения прохожего и жителя этого дома вряд ли совпадут. Многие сегодняшние композиторы ставят во главу угла эстетику своих произведений, то есть это зодчие, создающие великолепные фасады в ущерб жилым помещениям. Для меня самое главное — звуковая символика, каждый звук — это зашифрованное послание от меня моему слушателю. Форма иногда очень непривычная, но если суметь оторваться от нее, содержание музыки компенсирует все «неудобства».

Для человека неподготовленного музыка Рене Клеменчича, как, впрочем, и подавляющее большинство произведений современной музыки, действительно «неудобная»: я видел, как во время исполнения «Экстазов» некоторые уходили из зала, и это для меня лишнее доказательство общности этой музыки с роком. Те же самые слушатели ушли бы и с рок-концерта, и жаль, что «Экстазы» не слышали поклонники хэви метал-рока и любители Заппы, «Кинг Кримзон» и раннего Рика Уэйкмана: сокрушительная динамика «тяжелого металла», атональные «проходы», невероятные сбивки ритма и чудесные смещения глубинных мелодических пластов в духе самого изощренного авангардного рока — все это есть в «Экстазах»!

Хиппи, «участвовавший» в исполнении «Экстазов» Клеменчича, оказался действительно музыкантом: он разыскал Рене в Ленинградском Доме композиторов и предложил сыграть вместе. Клеменчич согласился, и хиппи потащил его к Казанскому собору — из бездонной торбы появились два пюпитра для нот, блок-флейты, нотные сборники и много разных вещей, необходимых уличному музыканту для работы. Клеменчич попробовал флейту, облизнул губы, кивнул хиппи, и над собором поплыла старинная музыка. Прохожие с удивлением смотрели на странный дуэт: молодой человек в живописных лохмотьях и пожилой господин в хорошем, но очень мятом костюме. Вокруг них собралась толпа, в поношенную велюровую шляпу, которую хиппи словно невзначай положил на ступени собора, полетела мелочь: роскошная дама при жемчугах весь концерт стояла как изваяние, а когда он кончился, подарила музыкантам презрительную улыбку, суетливый толстяк бросил в шляпу камешек, а тощий студент — карамельку и новенький рубль. Рене и хиппи честно поделили добычу, каждому досталось по три рубля, а конфету они подарили милиционеру.

Следующая наша встреча была уже в Москве. Мы сидели на Тверском бульваре напротив нового МХАТа и вспоминали концерт у Казанского собора. «А знаешь, играть на улице очень здорово! К сожалению, меня слишком хорошо знают в Вене, чтобы я мог позволить себе такое развлечение...»

Когда я учился в школе, наша компания обычно собиралась на бульваре: после разбора «дневных полетов» мы отправлялись друг к другу в гости слушать музыку, так было заведено, и ритуал соблюдался неукоснительно — примерно раз в неделю у каждого из нас собирались друзья, и ополоумевшие от рева магнитофона родители к полуночи обычно теряли терпение и выставляли всех за дверь, проявляя иной раз такую твердость характера, что в числе «изгнанников» оказывались и их собственные чада.

Мы поступили с Рене точно так же: посидев на бульваре, пошли ко мне слушать музыку, тем более что он мечтал наконец-то послушать «настоящий рок». Мы начали с ЭЛП, которые играли «Картинки с выставки» Мусоргского: «Сумасшествие! Боже, какая фантазия! — причитал Рене.— Невероятно!» Советскую перепечатку пластинки 1986 года, которую я ему подарил, Рене держал с таким же трепетом, как если бы мне вручили оригинал «Картинок».

Потом мы слушали Жана-Люка Понти и «Пинк Флойд». «Это тоже рок? — почему-то шепотом спросил Рене, сокрушенно покачал головой и, горестно всплеснув руками, изобразил скорбную гримасу.— Надо было приехать в Москву, чтобы услышать рок!» Неужели вдохновляет? «Еще как! Обязательно попробую написать что-то подобное, но только для акустических инструментов».

Я вдвое моложе Клеменчича, но к концу дня, в течение которого Рене играл на флейтах, разговаривал, снова играл, рассказывал смешные истории, обсуждал книги Джорджа Оруэлла, опять играл,— он вошел в холл гостиницы «Минск» поступью юного Александра Македонского, а я, обессилевший от перемещений в пространстве, от обилия информации и необходимости переводить разговоры, в которых иногда принимали участие до пяти собеседников, свалился в первое попавшееся кресло. Было два часа ночи. «Ну, можно поспать, самолет только в шесть утра,— Рене взял у портье ключ и повернулся ко мне.— Эх ты, скис, тоже мне, молодой человек!» Рене Клеменчич улыбнулся, хлопнул меня по плечу и шагнул в лифт...

С. КАСТАЛЬСКИЙ

Любители арт-рока хорошо знают английскую группу «Барклай Джеймс харвест»: ее композиции выдержаны в лучших традициях стиля, а тексты песен поэтичны. Однако до последнего времени эти тексты свидетельствовали о несколько созерцательном отношении их авторов к действительности. Но пластинка 1987 года «Лицом к лицу» показала, что музыканты из «Барклай Джеймс харвест» обладают четким представлением о «лице времени». Пример тому — песня «Африканец», протестующая против южноафриканского апартеида: «Ребенок еще не знает, что правильно, а что нет. У него нет причин для ненависти, ему не надо сражаться. Его не интересует ни цвет кожи, ни политические убеждения, он не знает злобы и жадности. До тех пор, пока ребенок не станет взрослым. А тогда... Забудь о свободе, забудь о своих правах: ты черный, не белый,— теперь ты африканец...»

Аранжировка А. СУЕТИНА

Through the eyes of a child
There's no wrong or right
No reason to hate
No need for a fight
No colour, no creed,
No malice, no greed
Till the child becomes a man.

Give up your freedom
Hand back your rights
Then change your colour now
You're black not white
And there'll never be a piece of the action
Now you're an african.

Forget beliefs and swallow your pain
You're just a number now
And boy's your name
And you'll never get a piece of the action
Now you're a working man.

African, asian it's all the same
Brown, black, caucasian,
It's all the same.
Slave labour, working class,
What's in a name
Far left, far right, centre
It's power they crave.

The politics of apartheid
The politics of shame
The cold abuse of human rights
Of torture and of pain
Are only part of the action
When you're an african.

The politics of making more
The politics of greed
The cold abuse of poverty
To keep your labour cheap
Are only part of the action
When you're a working man.

African, asian it's all the same
Brown, black, caucasian,
It's all the same
Slave labour, working class,
What's in a name
Far left, far right, centre
It's power they crave.

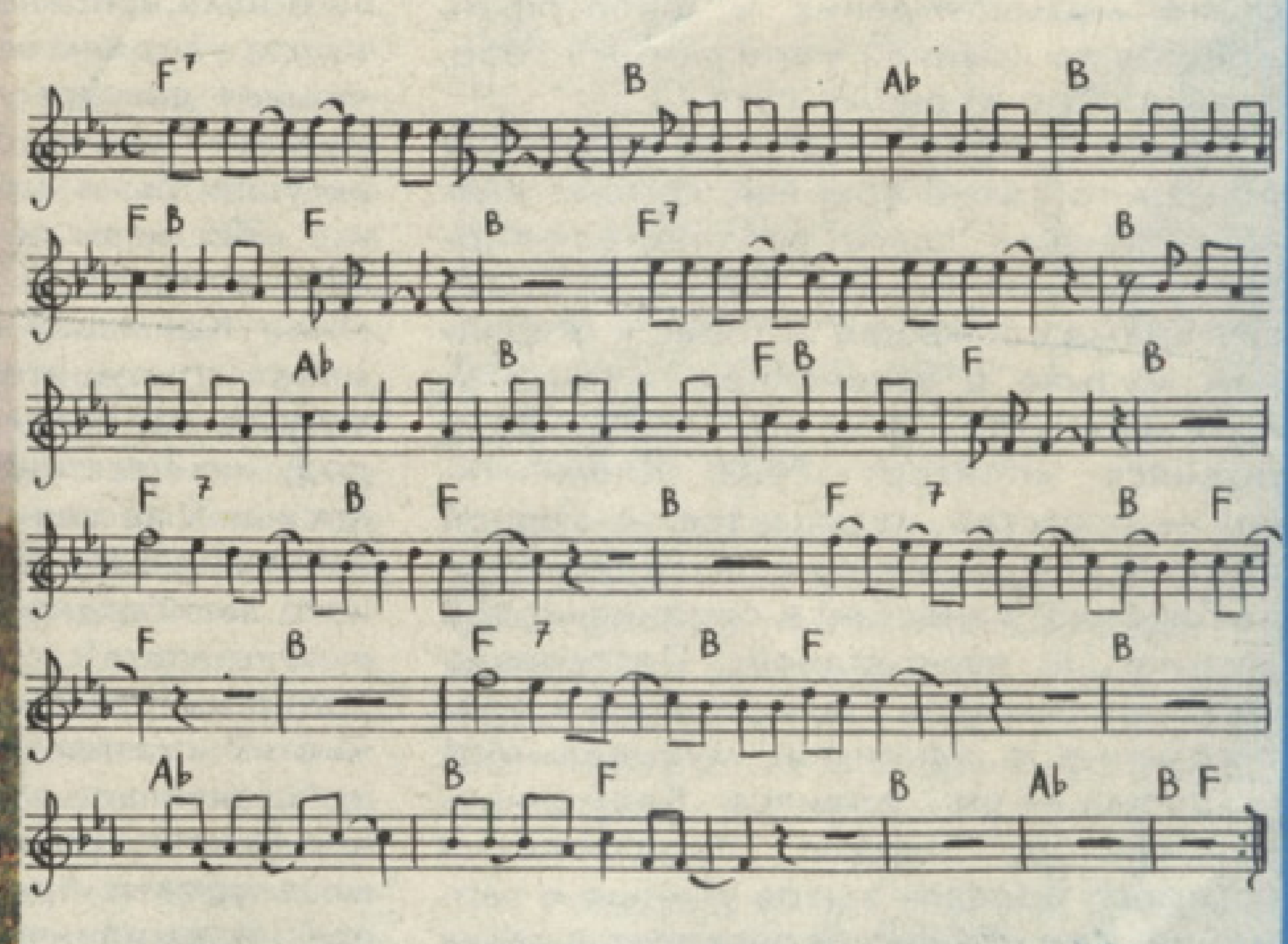
The politics of buying arms
When there's no food to eat
The politics of digging gold
Instead of planting seeds
The leader with his private golf course
And his flashy cars
Sits playing with his diamond wrist watch
While the people starve.

The politics of shooting down
A plane that brings relief
By fat men playing power games
Who've got enough to eat
The politics of racial hate
The politics of war
The men who sell the guns have fun
While we all count the score.

One, two, three, four
Thousands, millions
People dying just to keep
Them in the action.

Through the eyes of a man
There's wrong and there's right
A reason to hate
There's need for a fight
There's colour, there's creed
There's malice, there's greed
When the child becomes a man.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Фоторепортаж из колонии для молодых правонарушителей в ГДР.

О сложностях путей к разоружению.

Борьба с наркомафией в Колумбии.

О секретах обаяния, умении быть модным, но не смешным, и, как всегда, о рок-музыке.

ИНДЕКС 70781
Цена 35 коп.